

Ксения Мэо

Ксения Мэо

Магическая свалка для попаданки

«Литнет»

2025

Мэо К.

Магическая свалка для попаданки / К. Мэо — «Литнет», 2025

Я попаданка в мире магии и драконов. В наследство от мужа мне достается свалка на задворках империи. А вместе ней — беженцы, опасный магический мусор и обвинения в отравлении реки. Да еще местный губернатор требует в кратчайшие сроки устранить нарушения. Но ведь не даром я мечтала стать экологом! Уж я наведу порядок на этой свалке, объединю мусорщиков в гильдию, выясню, кто на самом деле травит горожан, и покажу всем, что мусор может быть настоящим сокровищем. Вот только на мои владения постоянно нападают неизвестные, а губернатор повадился проводить инспекции почти ежедневно...

© Мэо К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1	5
2	8
2.1. Визуализация	11
3	12
4	14
5. Кадмон	16
6	19
7	22
8	24
9	26
10. Кадмон	28
11	31
12	33
13	35
14	38
15. Кадмон	40
16	43
17	45
18	48
19	50
20. Кадмон	52
21. Кадмон	54
22. Кадмон	56
23	58
24	60
25	62
26	64
27	66
28	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

1

— Потерпи, Кати, скоро этот балаган закончится, и ты сможешь вернуться домой. — Мой новоиспеченный муж Процион по-доброму улыбается в седую бороду, чмокает меня в макушку и треплет по темным волосам.

Но балаган только начинается: толпу гостей развлекают шуты и скоморохи. Они нарочито нелепо падают, распевают скабрёзные куплеты, в которых объясняют молодым, то есть мне и старику Проциону, как делать детей. Всё это сопровождается изображением физиологических звуков.

Несколько мужиков соревнуются, кто откусит больший кусок от кабаньего окорока.

М-да... Хороший тамада и конкурсы интересные, как говорят в моем родном мире. Я устала так, словно разгружала вагоны, а мне надо изображать счастье и веселье. Процион же, хоть и немолодой, но держится с достоинством.

— Ты уверена, что останешься в столице и будешь поступать в Академию? — тихо уточняет он.

— Да, Проци! Спасибо, что дал мне такую возможность, — улыбаюсь ему.

Мой муж Процион кивает, осушает бокал, который уже с полчаса носит в руке, и смеётся. А потом с беспокойством на лице оттягивает ворот свадебного камзола, словно тот давит. Гости ничего не замечают и продолжают веселье.

Процион краснеет и тянется ко мне. Смотрю в его слишком блестящие глаза, и мне становится страшно за старика. Неужели приступ? Только не здесь! Только не сейчас...

Подставляю плечо и веду его к столу, где стоит мой бокал с растаявшим льдом. Я сразу после подачи опрокинула в себя поданный нам холодный напиток, оставив кубики льда на дне. А Процион побоялся простудиться и ждал, пока лёд растает.

Процион судорожно хватается за горло и синеет.

Мы пробиваемся сквозь толпу гостей, но никто не обращает на нас внимания. Хохочут, пьют, тычут пальцами в скоморохов.

Я пытаюсь удержать грузного старика одной рукой, а второй шарю в нагрудном кармане его жилета под камзолом. Там должны быть пилюли.

К нам подбегает племянник Проциона Лакаш. Один из многочисленной своры бездельников. В кои-то веки я рада видеть этого избалованного щеголя, который сегодня на правах свидетеля крутится рядом, подает нам блюда и напитки.

Лакаш помогает усадить дядю на место жениха — украшенный цветами стул с высокой спинкой. При этом случайно задевает локтем мой бокал, и тот со звоном разбивается, содержимое растекается лужицей. Несколько капель летит на подол моего белого платья.

Я наконец нахожу пилюли и подношу пару ко рту мужа. Но тот сцепил зубы в страшной улыбке и, кажется, не может расслабить челюсти.

За три года, что я прожила в этом мире под опекой Проциона, я успела насмотреться на приступы его проклятой болезни. Но такое вижу впервые.

Лакаш застыл в растерянности, держит дядю за плечи. Я пытаюсь ложкой разжать зубы мужа и впихнуть в него лекарство. На губах старика выступает зелёная пена, его тучное тело начинает трясти, он хрипит, хватается руками за подлокотники и судорожно сжимает их. Выгибается дугой, ломает правый подлокотник, ноги бьют по полу.

Все это под аккомпанемент свистящего хрипа, kloкочущего в горле.

— Процион, держись... — повторяю я. — Пожалуйста, не умирай! Кто-нибудь, помогите! — кричу, но голос глохнет в месиве праздничных звуков.

Процион дёргается вниз и обмякает в кресле, сползает наполовину на пол и замирает, уронив голову на грудь.

Я с ужасом понимаю: конец! Но не верю. Все так стремительно произошло. Пара мгновений — и единственного моего друга в Драконарисе больше нет.

Я прижимаюсь к телу доброго старика, из меня рвется дикий вой. Яростно и горько рыдаю.

Я все время теряю близких. Несколько лет назад, когда я была ученицей выпускного класса гимназии в небольшом постсоветском городке, из-за ядовитого выброса на местном предприятии погибли мои родители. Дедов и бабок у меня тоже уже не было: почти всех забрали рак или астма.

Несмотря на горе, я в тот же год поступила на химбио с намерением стать экологом и кошмарить заводы и фабрики. Чтобы больше никто не терял родных так, как я.

А потом, три года назад, во время экологической демонстрации у проходной предприятия, которое слило в промышленную реку сотни тонн отравленных отходов, в меня выстрелил охранник. Я думала, что умираю. И даже стала перебирать, что скажу родителям при встрече.

Но когда открыла глаза, увидела обеспокоенное лицо похожего на Санта-Клауса старика. Он с необычной для почтенного возраста прытью нес меня в каменный особняк, на котором я мельком заметила гаргулий. За нами по траве тянулась дорожка крови из моей раны. А в небе парили драконы. Один из них и спас меня от смерти магией исцеления.

Так я стала попаданкой в мире, наполненном волшебством и фантастическими существами. Заправляли тут драконы — в человеческой ипостаси типичные аристократы. Мне повезло очутиться в Драконарисе — столице Эльдратории.

Наверное, именно так выглядели средневековые города: мрачные, величественные, с вытянутыми шпилями, узкими улицами и грязными площадями.

Мне действительно повезло, что попала я в сад местного богатого чудака — Проциона Ракуна. Этот добродушный старик спас мне жизнь и сразу проникся ко мне отеческим чувствами.

Своих детей у него не было — лишь толпа племянников разной степени родства, наглости и бестолковости. Прочион взял меня под крыло, помог изучить местный язык, историю, обычаи, вывел в свет.

За шесть месяцев до совершеннолетия, которое тут наступает для девушек в двадцать один год, меня стали осаждать женихи. Много женихов. Всем хотелось сосватать за себя диковинную невесту — попаданку. И тогда Прочион оказал мне последнюю услугу.

В Эльдратории не жалуют незамужних совершеннолетних женщин. Для них закрыты многие возможности. Их не берут на учебу, предлагают самую низкооплачиваемую и недостойную работу.

Замужние дамы, напротив, получают всё, что хотят. Если, конечно, муж одобряет пожелания. Мужья тут контролируют жен от и до. Диктуют им, что надевать, что читать, с кем и против кого дружить.

Понимая, что меня ждет или унылое прозябание, или настолько же унылый брак, Прочион позвал меня замуж.

И сейчас, на нашей свадьбе, я, рыдая в голос, обнимаю его неподвижное тело.

В глубоком горе я и не замечаю, как наступает мертвая тишина. Не вижу, как нас обступают гости. Из скорби меня вырывает визгливый крик старушки-соседки, которая никогда меня не любила. Сейчас эта милейшая карга тычет в меня узловатым пальцем и злорадно верещит:

— Она отравила его! Убийца!

Дорогие читатели!

Больше о Драконарисе и его законах можно узнать в моей книге

“Особняк с привидениями для попаданки”

<https://litnet.com/shrt/fIai>

2

Из пиршественного зала я прямо в свадебном платье отправляюсь в тюрьму.

Допросы сменяются опознаниями. Затем выездами на место. Потом происходят ещё какие-то следственные действия, которых я не запоминаю. Они сливаются в унылый бесконечный кошмар. Всё это время мне не дают спать.

Я сижу на очередном допросе и едва не падаю от усталости. Глаза закрываются. Сознание уплывает, но я хватаю его за хвост и возвращаю. Правда ненадолго.

— Ну давай, Кати, признайся, что отравила мужа, — доверительно шепчет следователь. — И мы отпустим тебя спать.

Я мотаю головой.

— Давай, Кати, ради памяти старика, — уговаривает он.

— Давайте ради памяти Проциона вы попытаетесь найти настоящего убийцу, — повторяю, наверное, в сотый раз заплетающимся языком.

— Свидетели видели, как ты заталкивала ему в рот какие-то пилюли. Что это было?

— Лекарства от сердца, — пожимаю плечами, стараясь выглядеть непринужденно.

Вопросов о пилюлях я боюсь больше всего.

— К сожалению, мы не можем их проверить и убедиться, что ты говоришь правду... — качает головой следователь.

— Почему? — пытаюсь изобразить удивление.

— Они пропали, — дознаватель упирает тяжелый взгляд в мои глаза. — Ты знаешь, где они?

Опять мотаю головой, стараясь придать лицу выражение обеспокоенности. На самом деле я знаю, что случилось с пилюлями: я сама впопыхах затолкала их в щели между досками, пока ждала гвардию.

На это у меня была одна, но очень весомая причина. Никто не должен узнать, от какого недуга страдал Процион.

Много десятков лет назад его покусал оборотень. Процион тогда еще был мальчишкой и жил с родителями-бедняками в глухой деревне. Ни о какой медицине в той глуши и речи не шло. А местная знахарка окончательно выжила из ума и лечила не реальные болезни, а леворукость и скрип зубами. В лучших традициях альтернативщиков — мочой и медом.

В итоге заражение достигло такого уровня, который уже нереально было отмотать назад, лишь купировать. Мелкому Проциону повезло, что в деревню заглянул бродячий алхимик и обратил внимание на мальчика с явными признаками ликантропии.

До старости Процион хранил эту тайну и в полнолуние пил выписанное алхимиком средство. Не мне раскрывать этот секрет. Пусть меня обвинят в убийстве, но чистое светлое имя добродушного Проциона Ракуна останется незапятнанным.

Следователь отводит в сторону взгляд, с досадой цокает. Допрос окончен.

Меня наконец ведут в камеру, которая пахнет носками подростка и выглядит как мечта социопата. Холодный каменный мешок без окон и мебели. Я валюсь на тощий соломенный матрас и моментально проваливаюсь в небытие.

— Кати Ракурн, на выход! — Грубые руки дёргают меня за плечи и резко поднимают.

Просыпаюсь моментально. Меня бесцеремонно держит стражник с поросычьими глазами и кабанскими пропорциями. Толкает к двери. Выводит и сопровождает, держа за плечо, по коридору.

Идём запутанными проходами без окон минут десять, наконец заваливаемся в зал, где собрались пара десятков человек.

С удивлением узнаю родню Проциона. Траурные одежды, скорбные позы. При моем появлении все оборачиваются и смотрят на меня в упор. На лицах неприкрытая ненависть и неприязнь.

— Убийца! — шипит троюродная жена младшего брата Проциона Матильда. Или она седьмая бабушка его четвертого внучатого племянника? Я до сих пор путаюсь.

— И я соболезную вашей утрате, — приседаю в реверансе.

— Начинаем, — скрипуче произносит коротышка в очках, которого я сначала не заметила за кучей народа. Это Стюарт, душеприказчик Проциона.

Следователь, расталкивая присутствующих, подводит меня к душеприказчику, сидящему за столом.

— Мы не можем подтвердить причастность леди Ракун к убийству мужа, — спокойно произносит он. — Но и исключать этого нельзя. Думаю, стоит учитывать такую вероятность при распределении наследства.

Ну конечно! Как на благотворительный вечер или прополку грядок с мандрагорой — так этих ребят не дождешься. А как имущество покойного делить — так все явились. И запор с изжогой никого не мучают.

Процион не оставил завещания, и все его имущество делят прямо сейчас. Родня старика, да что уж там, теперь и моя, устраивает дележку вышитых платочков и серебряных вилок. Я молча наблюдаю этот апофеоз жадности.

Следователь усаживает меня на стул, сам стоит рядом и бдит. Я сначала пытаюсь не уснуть, но спектакль настолько интересный, что не могу оторвать глаз. Не каждый день видишь, как плечистый и пузатый мужик отнимает у пятилетки деревянную лошадку, а тот в отместку делает лужу на колени жены обидчика.

Наконец через пару часов баталий всё имущество Проциона в Драконарисе и его окрестностях распределено. Мне в столице не нужно ничего. Главный подарок старик мне уже сделал.

— Осталась одна позиция, — подслеповато щурится Стюарт, держа перед глазами последний документ. — Это в Грюнердрахе. И вступить во владения следует немедленно и лично...

Стюарт переводит взгляд на меня:

— Думаю, справедливо будет отдать эту позицию молодой вдове.

— Да я как-нибудь сама, без наследства... — пытаюсь отказаться, потому что через три дня вступительные экзамены в Академию. Попасть в вуз мне хочется больше, чем в Грюнердрах, до которого пять суток пути.

Мне на плечи ложатся тяжелые руки следователя.

— Боюсь, — скорбно произносит он, — у вас нет права отказаться. Мы и так излишне добры к вам, не стоит дразнить дракона правосудия. И не забывайте, что расследование еще ведется. И вы в числе подозреваемых.

Через шесть дней я пребываю в Грюнердрах. Это так же далеко от столицы, как кончик драконьего хвоста от его мозгов. Всю дорогу меня сопровождали стражники. На новом месте их сменяет пара грюнердрахских гвардейцев в зеленых мундирах.

Ни те, ни другие не произносят ни слова. Меня просто передают из рук в руки, как шкодливого котенка, не приученного к лотку.

Я всю дорогу пыталась выяснить, что мне досталось, но стражники наотрез отказывались со мной говорить. Местные гвардейцы тоже немногословны. Они забирают у столичных стражников тубус с моей грамотой на владение и молча ведут меня на самую окраину города.

Первым делом я улавливаю запах. Даже не запах, а омбре. Смердит так, что птицы должны падать с неба. В этой вонии смешалось всё: тухлятина, гниль, плесень и прелость.

А потом я наконец вижу своё наследство.

— Да вы прикалываетесь... — только и могу сказать я.

Дорогие читатели!

*Еще одну историю из цикла про попаданок в Эльдратории
можно почитать в книге*

“Попаданка на службе дракона-прокурора”

<https://litnet.com/shrt/fzMi>

2.1. Визуализация

Процион Ракурн

Катя в день свадьбы

Катя в день смерти

Лакаш Ракурн

Катя на допросе

3

Перед глазами раскинулась величественная свалка. Пестрые кучи мусора, подползают к городским стенам и курганами возвышаются над ними. Вонючие горы накрывают тенью находящийся тут же, за стенами Грюнердраха, стихийный лагерь беженцев, из которого доносятся голоса и детский смех.

Я медленно обвожу глазами свои владения. Лучшего наказания для подозреваемой в отравлении мужа вдовы и придумать нельзя! Только если это не попаданка-экоактивистка.

— Ну как, госпожа Ракурн, — внезапно подает голос один из местных стражников, — этого вы добивались? Стоило оно того?

Я с непониманием перевожу взгляд на него.

— О чем вы?

— Может, все-таки сознаетесь? И мы посодействуем вашему возвращению в Драконарис. Заверяю вас, в тюрьме пахнет не так отвратно. А если вас признают недееспособной, возьмут на поруки или отправят под домашний арест, то и тюрьма вам не страшна.

Хмыкаю.

Во-первых, сознаваться в том, чего я не совершала, я точно не буду. Тем более за кусок мыла.

Во-вторых, у меня было пять суток пути на размышления. И вот до чего я додумалась: вероятно, отравить пытались не только Проциона, но и меня. Мы же ели и пили в тот день одно и то же. Только мне почему-то повезло.

А вдруг настоящий убийца захочет снова попытать счастья? Помешать ему может только моя бдительность и расстояние между нами. На следователей, которые уверены в моей виновности, рассчитывать не приходится.

И, наконец, в-третьих... Свалка! Ну камон! Это же просто мечта!

Я еще на первом курсе выбрала свалки темой научной работы. Изучила сотни кейсов со всего мира, читала статьи, смотрела документалки о суперсовременных полигонах, о том, как минимизируют вред от них.

До практики так и не успела дойти. Да и кто бы дал мне, сопливой студентке, развернуться с дурацкими проектами на мусорном полигоне? А тут — собственное поле для экспериментов! Дыхание перехватывает — и не от отвратного смрада, а от возможностей!

Так что решено: я остаюсь. Мне не привыкать жить без удобств, так что без слуг и особых нянков как-нибудь справлюсь.

Протягиваю открытую ладонь и требую:

— Документы!

Стражники переглядываются. Они явно не этого ожидали.

— Госпожа, — вкрадчивым тоном продолжает тот, что предлагал сознаться, — вы уверены, что хотите вступить во владение?

Он нерешительно сжимает в руках тубус. Я выдергиваю его из рук стражника.

— Да. Уверена, — говорю твердо. — Как и в том, что не травила Проциона Ракура.

— Тогда мы вас проводим к смотрителю, — блеет второй стражник.

Они ведут меня по узкой размытой дороге между вонючими холмами в сердце полигона. Демонстративно закрывают носы белыми платками.

А я смотрю во все глаза, пытаюсь найти систему. Но не нахожу. Деревянные двери, рыбы кости, осколки бутылок и гнутая железная подкова лежат в одной куче. Под ногами хлюпает.

Ни навесов, ни ограждений. Работы предстоит много...

Мы выходим к окруженной горами мусора хижине. Она обнесена нехитрым заборчиком, который худо-бедно удерживает всякий хлам. На пороге сидит сторбленный немолодой мужчина и, кажется, спит.

— Смотритель! — трясет его за плечо стражник-провокактор.

Мужчина приподнимает кустистые седые брови и смотрит на нас водянистыми голубыми глазами.

— Господа офицеры? Чем могу быть полезен? — скрипуче спрашивает он.

— Это новая хозяйка свалки. Всё ей расскажешь и покажешь, — приказным тоном говорит тот же стражник. Затем бросает на меня взгляд: — Удачи вам, госпожа Ракуна.

На этом мои провожатые разворачиваются и уходят по петливой хлюпающей дорожке.

— Так вы новая вдова Проциона Ракуна? Которая его отправила, — скрипуче уточняет старик.

— Я вдова Проциона Ракуна, — ровно отвечаю я и упираюсь взглядом в блеклые глаза смотрителя. — Остальное домыслы и сплетни.

— Ну да — ну да... — бормочет старик и отводит взгляд. — Ну... Проходите, устраивайтесь. Только у нас тут удобств нет, вам, барышням, наверное, не понравится.

— Для начала введите меня в курс дела. Расскажите, где что, познакомьте с работниками.

— А чего тут вводить-то? — хмыкает смотритель. — Вот свалка, — обводит рукой вокруг себя. — Вот работник, — ударяет себя кулаком в грудь.

Дела-а-а... Один работник, и тот дряхлый смотритель.

— И каков круг ваших обязанностей? — спрашиваю строго.

— Так известно что — смотреть... — разводит он руками.

— На что смотреть? — уточняю я, не удержавшись от ироничной интонации.

— Знаете что, — сердится дед, — за те деньги, которые я получаю на этом месте, — только смотреть. Хотите большего — платите больше!

Какой шустрый! Вот только нет у меня денег. Ни монеточки. Откуда их взять? Смотрю в водянистые глаза, в глубине которых вспыхивает алчный огонек.

— Пока я не вникну в работу, ничего не обещаю, — отрезаю я.

Старик скрещивает руки на груди, смеряет меня взглядом и выпячивает подбородок.

— Вот как... Ну тогда я увольняюсь! — с этими словами он протягивает руку и требует: — Выходное пособие! Утроенное!

Эльдратория построена на бюрократии, которая склеивает империю лучше суперклея. Поэтому я в ответ протягиваю руку и жёстко произношу:

— Обходной лист! Отчёт! За полгода. И ваш вариант трудового договора, — затем из уважения к возрасту все же добавляю: — Будьте добры.

Лицо старика вытягивается так, что я всерьез опасаюсь за судьбу его нижней челюсти.

И тут за спиной раздается шорох и звук шагов. Старикан расплывается в мстительной улыбке. Алчные огоньки в глазах хищно вспыхивают.

— Ах вот так, значит? Ну сейчас вам не поздоровится... — шепчет он, потирая ладони.

4

Я даже обернуться не успеваю, как смотритель верещит, словно сорока, которой прищипили хвост:

— Господин губернатор! Господин губернатор! Вы как раз вовремя! Вот она, хозяйка, с нее и спрашивайте, а от меня наконец отстаньте.

Вот так гости! Ещё и это “с нее спрашивайте” заставляет поежиться от нехорошего предчувствия. Я быстро разворачиваюсь, чтобы встретить губернатора. От резкого движения подол моего платья разлетается и... цепляется за торчащий из кучи мусора железный прут.

Я не замечаю этого и делаю шаг к губернатору. Плотная ткань подола натягивается и дёргает меня назад. Я от неожиданности падаю на спину. Понимаю, что сейчас насажусь ребрами на этот прут, как шашлык на шампур. Успеваю закрыть рот и задержать дыхание, ожидая проезжающей боли под лопаткой. И замираю.

Но ничего не происходит. Я не то что не напарываюсь на прут, я даже не падаю. Осторожно открываю глаза и лицезрею покачивающиеся кучи мусора. Вернее, это я покачиваюсь. В воздухе. Какая-то сила удерживает меня от падения.

А потом я перевожу взгляд и вижу губернатора. Мамочки мои! Я пропала...

Во-первых, он высоченный. Во-вторых, он широк в плечах. В-третьих, стройный, с длинными каштановыми волосами и аккуратной бородой. На дорожной одежде ни пятнышка, несмотря на то, что губернатор дошлепал до сердца свалки.

Ну и в каких-то там, он смотрит. На меня. Одновременно снисходительно и с неприязнью. И главное, зрачки у него... вертикальные. Губернатор Грюннердраха дракон. Вроде и живу в Эльдратории три года, а все никак не привыкну ни к драконьему снобизму, ни к драконьему могуществу.

Кстати, о могуществе. Это губернатор силой магии не даёт мне упасть. Но и не ставит на ноги, сохраняя меня в нелепом и беспомощном положении.

Он медленно вальяжно подходит. Останавливается напротив и смотрит в упор.

Я вроде как отхожу от шока. И мне не приходит в голову ничего лучше, как сделать реверанс. В моем положении это, наверное, выглядит комично. Но хоть кто-то тут должен оставаться вежливым. Губернатор не собирается этого делать, так что придется мне.

Барахтаюсь в воздухе, но тем не менее развожу юбки и изгибаясь, как гусеница на листочке.

Губернатор хмыкает и... слегка кланяется. Затем ставит меня на ноги.

— Вот видите, что бывает, если не соблюдать требования к свалкам, — изрекает он.

Это не голос человека, это рокот морского прибоя, и он почти сбивает меня с ног. Коленки дрожат, а сама я не могу вымолвить ни словечка в свою защиту. Да что же это за магия такая?!

Катя, соберись! Возьми себя в руки! Ты всё это время держалась и противостояла имперским дознавателям, грюннердрахским сторожам и даже одному смотрителю свалки! Неужели тебя с толку собьет мужик?

Да, чертовски привлекательный, высокий, стройный мужик... От взгляда которого я плавлюсь, как масло на солнце. Эй! К делу!

Я собираю остатки самоконтроля.

— Видите ли, господин... — смотрю на него выжидающе.

Если б мне позволили перед отъездом в Грюннердрах воспользоваться библиотекой Пропциона, я бы приехала сюда подготовленная от и до. У меня комплекс отличницы в терминальной стадии, и я всегда предпочитаю подготовиться заранее.

— Фламберг, — кивает губернатор. — Кадмон Фламберг.

Это точно какие-то темные чары! Потому что как иначе объяснить, что мое сердце пропускает удар, а слова просто не проникают в мозг? Как он сказал? Конд... Бр-р-р... Нет! Точно не так...

— Видите ли, — повторяю я, — я только что прибыла и еще не успела изучить ситуацию. Если тут есть какие-то нарушения, — сглатываю, а сама думаю: “Если? Да тут нарушения невооруженным глазом видны, под ногами валяются и хлюпают! Ну и бред же ты несешь, Катя!” — так вот, если тут есть нарушения, я просто не успела их обнаружить.

Губернатор смеряет меня таким насмешливым взглядом, что я мечтаю провалиться под землю. Затем подходит, берет меня под локоть и рокошет:

— Ну так пройдемте. Я вам покажу нарушения, — и мягко, словно в вальсе, увлекает меня по дорожке между мусорных гор.

Мы беззвучно скользим над петляющей тропинкой, губернатор крепко прижимает меня и наставительным голосом перечисляет:

— Посмотрите, госпожа Ракун, все отходы перемешаны...

А он подготовился, в отличие от меня!

— Железо с деревом, гнилая пища с лекарствами. Участков для отходов, которые реагируют со средой, нет. Навесов нет. Ограждений нет. Охраны нет. Отводных желобов нет. Сеток нет. Силовых ям нет. После дождя... — он замолкает, и я ощущаю затаенный гнев.

Губернатор выводит меня на окраину свалки, и я понимаю его глухую злобу. Мой мусорный полигон вплотную подходит к реке. Причем располагается он выше по течению, чем Грюннердрах. Это значит, что после дождя литры токсичной жижи сливаются в реку и попадают в город.

Я тоже молчу, потому что понимаю: перед ним бессмысленно оправдываться, он ценит лишь дела. А я за первые пять минут владения свалкой успела лишь с подчиненным поцапаться.

— Думаете, это всё? — рокот губернатора всё больше походит на рык.

Он тянет меня в обход мусорного кургана, и мы оказываемся в стихийном лагере беженцев. На меня смотрят сотни голодных злых глаз. Обитатели лагеря выглядят бледными и изможденными.

— Вы взимаете с этих несчастных плату за то, что они живут на вашей свалке и питаются объедками с нее! Это бесчеловечно! — рычит мне в ухо губернатор.

Это поистине какой-то уникум. Видала я драконов, но таких, которых бы заботили проблемы людей, — ни разу.

— Спасибо, господин губернатор, — выдавливаю я, глядя в его глаза, похожие на расплавленное золото. — Я приму меры.

— Конечно, примите... — бросает губернатор, разжимает руки и отходит, пропуская ко мне беженцев.

Те окружают меня. Смотрят угрюмо и с угрозой.

5. Кадмон

Я отхожу всего на пару шагов. Потому что, как бы ни был зол на эту девчонку, но ее смерти не хочу. Моё присутствие сдержит разгневанных беженцев.

На секунду я допускаю, что поступил жестоко, потому что хозяйка свалки выглядит так, будто только что узнала не то что о ее проблемах, а о ее существовании! Но я слишком много повидал таких изворотливых особ, поэтому не позволю себя обмануть.

От девчонки, которая пахнет луговыми травами, на одну секунду взвивается острый запах страха. Но ровно на одно мгновение.

Я стою в стороне и наблюдаю, как черную вдову (да, я знаю о ней всё: ее имя, возраст, что она попаданка и что она главная подозреваемая в убийстве мужа) окружают ободранные, исхудалые, похожие на тени, беженцы.

Внимательно слежу за ее лицом. Но не вижу ожидаемого отвращения или брезгливости. Лишь лёгкий излом бровей, мокрый блеск в глазах, намекающие на... сочувствие?

Это любопытно. Продолжаю наблюдать. Через час в ратуше встреча городского совета. Но я на нее готов опоздать, если беседа девчонки с беженцами окажется достаточно увлекательной.

Первым к Кати подходит чумазый мальчуган лет шести. И она... садится на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне, заглядывает ему в глаза и с улыбкой говорит:

— Привет!

Мальчик от неожиданности засовывает палец в рот и замирает. Потом выдает искренне:

— Ты красивая...

По толпе прокатывается смешок.

— Спасибо, — девчонка улыбается ещё шире. — А ты тут, наверное, главный?

Мальчик звонко хохочет, оценив шутку. Женщины невольно улыбаются, глядя, как наряженная богачка кокетничает с маленьким замарашкой. Мужчины недоверчиво переглядываются.

— Нет! — отмахивается рукой от забавного предположение чужачки мальчик. — Я Вуди. А главный у нас Бай.

Девчонка протягивает парнишке руку, совершенно не боясь запачкаться, и доверительно говорит:

— Приятно познакомиться, Вуди. А я Кати. Ты, наверное, оруженосец Бая, раз такой смелый? Познакомь меня с ним.

Мальчик берет Кати за руку и ведет в сторону угрюмого здоровяка со спутанными черными космами и неровной бородой. На нем красная рубаха, застиранная и с кое-как зашитыми прорехами. Бай прожигает хозяйку свалки мрачным взглядом глубоких черных глаз.

Ну давай, девочка, покажи свою истинную суть! Скриви симпатичную мордашку, скажи что-нибудь высокомерное. Мне до дрожи хочется уличить ее в притворстве.

Но ей снова удастся удивит меня. Оказавшись напротив Бая, она выпускает ладошку Вуди, треплет его по голове, а затем... приседает перед здоровяком в реверансе, словно перед бароном.

— Приветствую вас, господин Бай! — она выныривает из реверанса и складывает руки перед собой в замок. — Я Кати Ракур, только что вступила во владение этим местом.

Тот угрюмо кивает, но на дне глаз плещется удивление.

— Приветствую вас, госпожа Ракур.

Я три месяца добивался от него хоть слова. Опаленный невзгодами, войной, холодом и враждебностью местных жителей, нагруженный ответственностью за своих людей, он не отличался доверием и лишь недавно согласился со мной общаться.

Конечно, я мог поступить проще: принять ипостась дракона и дохнуть огнем, но разве это принесет мне от этого человека что-то, кроме страха и тихой ненависти? Нет, тут надо с умом подходить. Я много способов перепробовал, а желаемого добился очень не сразу. А это темнокудрое создание без труда выстраивает диалог с угрюмым вождем беженцев.

— Я должна принести вам извинения за то, как с вами обошлись, — продолжает рвать шаблоны в моей голове девчонка. — Скажите, пожалуйста, кто требовал от вас оплату за взятые со свалки... вещи?

— Так... Ваш покойный муж... — удивлённо тянет Бай.

— Лично? — невинно спрашивает Кати.

— Да нет... Через своего поверенного, — отвечает Бай.

— Через господина Стюарта?

— Нет, через старика, что обитает в центре свалки.

— Но это не поверенный, а смотритель, — качает головой барышня.

Вот оно! Кажется, я понимаю, что она собирается сделать. Соскочить, назначив виновным подчинённого. Всё-таки она обычная змея... Но я не позволю ей так легко отделаться.

Отхожу ещё дальше, разворачиваюсь и скольжу над кучами мусора в центр полигона.

По пути в голову приходит мысль, что девчонка могла действительно не знать о действиях муженька. Понятия не имею, что это был за человек. Просто он однажды, лет пять назад, через посредников приобрел эту свалку. И всё.

Старик-смотритель бодро топает по тропинке к выходу. Я плавно опускаюсь перед ним и прячу кожистые крылья за спиной. Увидев меня, старик вздрагивает. От меня не укрывается, как он воровато оглядывается и старается спрятать что-то под плащом.

— Куда-то собрались? — делаю шаг к нему.

Я бы мог отпустить смотрителя на все четыре стороны, но его поведение кажется мне... подозрительным.

Старик пятится.

— Так... того... Уволили меня, вот я освобождаю местечко... — бормочет он, а у самого глазки так и бегают по сторонам.

Драконье чутье не обманешь: старик что-то скрывает. Я хищно втягиваю носом воздух и ловлю запах страха, пота и... золота. Плотный сладковатый запах желтого металла.

— Помнится, вы назвали ее “хозяйка”... После этого я ее забрал, и вы не общались, — я наступаю. — С чего вы взяли, что вы уволены?

— Ну... Захотел и уволился... Я и так пять лет жизни положил на эту свалку. И мне явно недоплачивали, — он останавливается, выпячивает подбородок, в глазах вызов.

Всё его поведение говорит об одном: старик лжет. Лжет мне! За кого он меня держит? Драконье чутье с ехидцей шепчет: “За легковверного дурачка, которого можно использовать в мутных схемах”. Как только я это понимаю, забрало падает. Смотритель не уйдет от меня не дав ответов!

— Не доплачивали? — переспрашиваю, подпуская в голос холодного шипения. — Напомните, какова была сумма вашего жалования?

— Два... Нет, один золотой в месяц! — горячо сообщает старик. — Ну разве за такие деньги проживешь?

Ложь! Я снова чую это. Об этом говорят его тело и несостыковки в его рассказе! И запах денег.

— Это значит, что за пять лет вы заработали... шестьдесят золотых? — я неумолимо надвигаюсь на старика, нащупывая в его лжи опору для обвинений. — И много ли потратили? Жилье-то вам было предоставлено... А еда, обогрев, одежда?.. За них же надо было платить, как вы объясняли мне и тем беднякам, которые разбили лагерь неподалеку.

Он молчит. Потому что понял: я уже уловил драконьим слухом звон монет. И звенят они как кругленькая сумма, а не как жалкие крохи, которые он мне тут называет.

— Ну ладно, допустим, вы тратили на это по два золотых в год. Итого вы должны были заработать пятьдесят золотых. Верно? Видимо, их вы прячете под плащом?

Старик белеет. А я с трудом сдерживаю гнев. Смотритель водил меня за нос несколько лет, наживался на безалаберности хозяина свалки и на беззащитности беженцев. А когда понял, что дело пахнет жареным, попытался сбежать. А еще он... попытался манипулировать мною, словно мальчишкой. Натравить на новую хозяйку.

— Отлично, — я улыбаюсь, демонстрируя зубы, и снова иду на старика. — Тогда я уволю вас на правах губернатора. Вот только уладим пару моментов...

6

— Хотите сказать, что не вы назначали цену за мусор со свалки? — недоверчиво поднимает бровь Бай.

— Я узнала о свалке полчаса назад, — качаю головой. — Может, конечно, Прочион назначил, но это на него совсем не похоже. Он сам вырос в нищете и при первой возможности старался помочь другим людям в тяжёлом положении.

— Вы сейчас стараетесь свалить всё на смотрителя, чтобы не нести ответственность или выгородить мужа, — уверенно констатирует Бай.

Пусть я и сумела наладить контакт с этим угрюмым человеком, но его недоверие ощущается физически. А мне крайне важно заручиться его поддержкой. Потому что план выхода из кризиса уже зреет в голове. И он базируется именно на беженцах.

Я стопроцентно уверена в порядочности своего патрона.

— Если он отдавал подобные приказы, то они должны сохраниться, — объясняю я. — Давайте прямо сейчас пойдем и поищем их.

Бай смотрит всё с тем же недоверием, но соглашается. В его сопровождении топаю по грязной дорожке в сердце свалки. Остальные беженцы расходятся по делам, из чего я заключаю, что они безоговорочно верят своему лидеру.

Когда мы подходим к домику, стул смотрителя уже пуст. Значит, сбежал... Набираю в грудь воздуха и стараюсь мобилизовать всю энергию, что у меня осталась, для дальнейшей беседы. Пути назад нет. Честно говоря, никакого пока нет. Лишь намеки на маршрут.

В этот момент в дверях показывается Кадмон Фламберг. Он кажется огромным, как медведь, в крохотном, узком и перекошенном дверном проеме старого домишки. В одной руке он держит увесистый мешок, в другой — бумаги.

— Госпожа Ракур, на правах мэра Грюнендраха я провел расследование, — сразу заявляет он. — Выяснилось, что временный управляющий злоупотреблял доверием вашего мужа. Переписка с ним господина Прочиона подтверждает, что он находился в неведении относительно самоуправства смотрителя.

Мы с Баем останавливаемся как вкопанные и переглядываемся. Губернатор подходит к нам и протягивает мне мешок и стопку бумаг.

— Это штраф и компенсация за неправомерные действия от смотрителя. Тут... — Кадмон встряхивает мешок, из которого доносится теплый звон, — сто пятьдесят три золотых. По закону вам еще полагается выплата от города за оказание услуг мусорного полигона — за пять лет сто золотых. Но за нарушения и бесхозяйственность город удерживает эти деньги.

Речь идет об очень больших для меня суммах. Головокружительных.

Я выдыхаю и принимаю кошель и документы. Руки у меня едва заметно дрожат. Случайно касаюсь руки господина Фламберга, и по моему телу проносится волна жара, лицо вспыхивает. Язык прирастает к небу.

Под пристальным взглядом глаз дракона мысли сбиваются в кучу. Наверное, он замечает мое замешательство, потому что его губы трогает легкая насмешливая улыбка.

— Это не всё, госпожа Кати, — рокошет он. — К сожалению, загрязнение реки пока никуда не делось. Вам необходимо в кратчайшие сроки разобраться с проблемой. Иначе свалку конфискуют и передадут более надежному владельцу, а вам придется оплатить все затраты города по устранению загрязнения.

— Сегодня же начну заниматься этим вопросом, — говорю я.

— Я буду проверять, — с улыбкой обещает Фламберг.

И от этого обещания сердце пускается вскачь, словно трусливый заяц. Прижимаю кошель и документы к груди и сажусь в неуклюжее реверансе.

— Спасибо за доверие, господин губернатор, — бормочу непослушным языком.

— Нет-нет-нет, — повторяет он низким голосом и смотрит пристально, не отводя глаз. — Я вам не доверяю. Я просто даю вам законный шанс. А теперь разрешите оставить вас, меня ждут на собрании городского совета. Я и так уже порядочно задерживаюсь. Господин Бай, госпожа Кати, — с легким полупоклоном Фламберг разворачивается и удаляется прочь.

Заходит за высокую мусорную кучу, откуда минуту спустя взмывает огромный черный дракон с узелком в передних лапах. Узелок большой, размером с человека, он дергается и, кажется, кричит голосом зрителя. Слов не разобрать, но интонации умоляющие.

А вот дракон прекрасен. Здоровенный и при этом грациозный зверь с чешуей, похожей на осколки обсидиана. Могучие кожистые крылья бросают вниз холодную большую тень. Меня всегда завораживали хозяева Эльдратории, но этот представитель семейства драконовых словно гипнотизирует меня, не могу оторвать от него взгляд и слежу за каждым его плавным движением.

Мы с Баем, как два истукана, стоим на подходе к дому и провожаем взглядом удаляющегося дракона. Он зависает над городом, а потом ныряет вниз, скрываясь за крепостными стенами.

Бай приходит в себя первым.

— Ну что ж, госпожа Кати, если сам господин Фламберг считает вас невиновной в том, что творилось на свалке в последние годы, то и мне придется признать это, — он говорит вроде бы учтиво, но рубит с плеча, слова падают тяжелыми камнями в сердце.

— Спасибо, — выдыхаю я.

В отсутствие Фламберга я чувствую себя более уверенной. А главное, план в голове принял окончательную форму. Осталось его реализовать.

— Тогда я тоже пойду, — роняет Бай. — Оставляю вас разбираться с документацией, обживать... — он стремительно поворачивается ко мне спиной и готовится уйти.

— Стойте! — бросаю ему вслед. — А компенсация?

Бай резко разворачивается, в один шаг оказывается рядом и нависает надо мной, словно грозная туча.

— Вы считаете, что и мы вам что-то должны? — цедит он.

— Я считаю, что вы должны... меня выслушать, — отвечаю и перехватываю его взгляд.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну свою историю

“Переводчица лорда-дракона”

Только для читателей 18+

— Кого я вижу? Леди, которая со всем справится сама... — рокошет мэр.

Это же тот незнакомец, который спас меня и с которым я была не слишком учтива... Бездна... И это он — мой начальник?

Он опалает меня горячим взглядом, а затем рассматривает мои запястья. На которых теперь нет брачных браслетов. И в его глазах вспыхивают голодные огоньки.

Поверив клевете, муж изгнал меня из дома, а родные отвернулись. Мне удастся устроиться переводчицей в управлении далекого северного порта. Его хозяин — могущественного дракона. Опасный и горячий, он смотрит так, будто знает, чем я буду заниматься ночью.

Поверить очередному властному засранцу? Ну уж нет — отгородиться от него стеной из гордости и профессионализма!

Вот только он, кажется, твердо намерен и камня на камне не оставить от моей обороны.

Читать тут

<https://litnet.com/shrt/1Rtx>

7

— Ну нет! — злобно смеется он. И этот смех — не смех вовсе, а крик отчаяния и гнева на мир. — Сначала вы выслушаете меня!

Я стою как стояла и не отвожу взгляд. Пусть выговорится. Пока его мозг занят черными мыслями, он меня не услышит. Ему надо спустить пар. Мне же остается лишь слушать.

Бай нависает сверху и раскатисто, повышая голос с каждым словом, выплескивает на меня боль за судьбу его людей:

— Вы хоть представляете, каково это — жить и не знать, что принесет следующий день?! Каково это — лишиться дома, семьи, родины?! Каково идти день за днем, тащить больных, стариков и детей, и наткаться везде на закрытые ворота?! И постоянно что-то терять. Время, людей, здоровье. И слышать вслед “Нахлебники!”.

Он замолкает. Прожигает меня ненавидящим взглядом.

— А ведь мы можем работать, хотим... Но нас отовсюду гонят... Отказывают! Вы не представляете, каких усилий мне стоит удержать моих людей от полного отчаяния и от преступлений. А вы... Вы после всего требуете от нас компенсацию!

— Предлагаю! — отрезаю я.

— Да откуда у меня и моего народа... — Тут до Бая доходит смысл сказанного мной, и он переспрашивает: — Предлаг... Что?..

Смотрю в полные недоумения черные глаза.

— Я предлагаю вам компенсацию. Эти деньги, — с трудом трясущим тяжелым кошельком, — отняты у вас обманом. Большая их часть ваша. Мне нужно лишь на обустройство и закупку оборудования, думаю двадцати золотых должно хватить.

Бай всё еще смотрит на меня волком.

— Зачем вам это? — спрашивает, ожидая подвоха. — Вы ведь спокойно можете забрать себе всё.

— Во-первых, я отлично знаю, что такое терять родину и родных. Мои мама и папа умерли, когда мне было шестнадцать. А сама я погибла, когда мне едва исполнилось восемнадцать. И попала сюда, в совершенно чужое для меня место.

— Так вы... — слова замирают на языке Бая, когда он осознает, кто перед ним.

— Да. Я, можно сказать, глубоко не местная. Еще более не местная, чем вы и ваши люди. И я тоже сталкиваюсь с недоверием и подозрениями каждый драконов день! Это во-вторых. А в-третьих, меня обвиняют в отравлении мужа. Но поскольку я этого не делала, доказать ничего не могут. И в качестве наказания отправили сюда.

Бай запрокидывает голову и от души хохочет. С этим откровенным хохотом выходит всё напряжение. Наконец мой собеседник прекращает смеяться и вытирает рукой выступившие слезы.

— Так мы с вами в одной лодке? — ухмыляется он.

Теперь передо мной другой Бай. Более раскрепощенный, откровенный, колкий. Он расслабился и от этого стал выше, будто перестал зажимать себя.

— Да. И оба на веслах, — грустно улыбаюсь я. — Но и это не все причины, почему я хочу вам помочь.

Бай тут же делается серьезным. Смотрит с прищуром, не перебивает.

— У меня к вам и вашим людям деловое предложение, — начинаю сразу с главного. — Стать работниками свалки. Вы сами говорили, что хотите трудиться, но местные не дают вам такой возможности.

— В Грюннендрахе правят гильдии, — кивает Бай. — Они держат в руках почти всю экономику города. И делают всё, чтобы ни один из нас не заработал ни гроша на подконтрольных им территориях.

— А я, по представлению местных, черная вдова. Да еще травлю город. Как думаете, насколько длинные очереди выстроятся из желающих работать на меня? — скептически задирая бровь. — Так что нам сам дракон-прародитель велел объединиться.

Лицо Бая делается задумчивым. Он стоит погруженный в мысли и потирает подбородок. Через пару минут смотрит на меня пронзительным взглядом.

— Сколько вы предлагаете за работу?

— Пока нисколько, — честно отвечаю я. — Но я буду отдавать вашей общине девять десятых дохода. Так что всё зависит лишь от ваших людей. Сколько они принесут свалке, столько и получают. А эти сто тридцать три золотых подтвердят, что я настроена серьезно.

— Неужели вы считаете, что на свалке можно заработать? — к моему удивлению, Бай спрашивает это с искренним интересом.

— Вы видите под ногами мусор, а я вижу сокровища, — поясняю я. — Сначала мы наведем порядок, организуем правильное хранение отходов, разберемся с отравлением реки, а потом всё остальное.

— По рукам, — Бай протягивает свою лапищу, на фоне которой моя ладошка смотрится как кукольная.

Мыжимаем руки. Я отсыпая себе двадцать золотых, остальное передаю предводителю беженцев. Он уходит в приподнятом настроении. А я наконец захожу в дом и вижу, с чем меня оставил смотритель.

В домишке три комнаты — спальня, кабинет и кухня-столовая. Второй этаж, больше похожий на чердак, он загроможден каким-то хламом. Я провожу ревизию каждого помещения.

Спальня крохотная с покосившимся окном и единственной кроватью. Постельного белья нигде нет. То, которое сейчас на кровати, всё в дырах. Вместо шкафа самодельная этажерка. На этом убранство комнаты — всё.

В кухне находятся стол, два стула и печь, от которой и отапливается вся хижина. В углу корзина с припасами. В ней лежат сыр, вяленое мясо и овощи. В углу — кувшины с вином и водой.

Самое уютное место в доме — кабинет. В нем стоят массивный стол с кучей ящиков, стеллаж вдоль всей стены и ушастое кресло — такое очень любят старики (и я).

Всё заросло пылью, мелкие окна покрыты слоем непроницаемой грязи. Деревянные поверхности черные, к ним прикасаться неприятно до дрожи. Мне становится стыдно перед Фламбергом, что он видел мое жилище таким.

Машу головой, отгоняя невесть откуда взявшееся чувство. Кого это ты стыдиться вздумала? Дракона с насмешливыми глазами? Да он забудет тебя, как только выйдет со свалки! А если и придет снова, то для того только, чтобы проверить, как ты устраняешь нарушения. Так что не вздумай больше, ни-ни!

Стыд уходит. Но его место занимают горечь и жалость к себе. Катя-Катя... Куда тебя занесло? Это ты для других такая смелая и сильная, но внутри каждую секунду сжимаешься от ужаса.

Стоп! Это ни в какие ворота не лезет! Что на тебя нашло? Нюни распустила...

Хорошо, что у меня есть рецепт, как справиться с такими черными, ядовитыми мыслями и чувствами. И нет, это не кувшин с вином!

8

Чтобы заглушить непонятные чувства, погружаюсь в уборку.

Тут работы на целую команду клинеров. Отмыть окна, полы и мебель, смахнуть пыль, снять паутину с сухими мухами (даже пауки сбежали отсюда!), привести в порядок деревянные поверхности — я заканчиваю одну задачу и тут же перехожу к следующей.

За водой таскаюсь к речке. Мне нужно много воды! Домишко зарос грязью так, словно в нем не убирали лет пятьдесят. Так что рейсов с ведрами приходится совершить немало.

По пути замечаю на горах мусора любопытных детей из лагеря беженцев. Они наблюдают за мной издалека. Изучают, присматриваются. В один из проходов вижу с ними старика, сидящего на мусорной горе.

Полы отмыты, мебель отдраена, найденные в углу занавески отстираны и уже повешены на торчащие из стены над окном гвозди. Стулья, кресло, кровать — всё наконец вычищено. Я открываю все окна и проветриваю. Даже ароматы со свалки лучше, чем спертый затхлый воздух с запахом старости и пьянства, которые царили тут.

Грязная работа сделана. А самое вкусное — разбор документов и книг в кабинете — оставляю на десерт.

А завтра меня ждет чердак.

Ужинать сажусь уже за чистый стол, который отскоблила собственными руками. В маленькие окна заглядывает вечерний свет, мягко золотит доски и стены. С гордостью осматриваю проделанную работу. Домик не узнать.

Может, у меня есть этот мифический ладус — волшебный дар, который помогает быстрее делать бытовые дела? Хотя откуда бы ему взяться у попаданки? С другой стороны, протцы-драконы, которые закинули меня сюда то ли от скуки, то ли из жалости, вполне могли отсыпать мне немного волшебства.

Вода в кувшине не вызывает доверия, поэтому разбавляю ее вином. Это древний как мир способ обеззараживать воду. Так делали еще греки во времена Гомера...

Физическая усталость и видимый результат от проделанной работы поднимают настроение. Теперь, если губернатор заглянет на свалку, его не стыдно пригласить в гости. И напоить чаем... Стоп!

Аж рычу от досады. Катя! Какие гости? Какой чай?! Дался тебе этот губернатор!

Со вздохом отодвигаю пустую тарелку и отставляю кружку. Вяленое мясо, сыр и огурец, найденные в корзине в углу кухни, — не густо, но хоть что-то. Посуда тут простая, грубоватая. Из такой гостей чаем не напоишь.

Катя! Ты опять? Угомонись уже!

Но посуду надо бы новенькую. Не для губернатора, для других гос... посетителей.

Мою тарелку и кружку. Прячу корзину с едой в холодный подпол, который обнаружила, когда отмывала кухню. На самом деле это просто неглубокая яма, которая накрывается досками.

А теперь время десерта! То есть разбора документов. Отправляюсь в кабинет.

Губернатор уже покопался здесь и даже рассортировал бумаги в несколько стопок. Одну составляют сплошные предупреждения от города. Похоже, смотритель просто приносил их сюда и клал на стол, ни разу не удосужившись переслать их нанимателю.

Теперь понятно, почему Прочион не знал, что тут творится...

Вторая кучка — это письма от Прочиона и его поверенного Стюарта. Все они вскрыты не человеком, а драконом. Только драконы могут своей магией разогреть сургуч так, чтобы открыть письмо не повредив печать. И я даже догадываюсь, кто этот дракон.

В письмах ничего особенного. Процион интересовался состоянием дел. Никаких крамольных и людоедских распоряжений в его посланиях я не нахожу. Смотритель, видимо, писал нанимателю ложные отчеты, а цены на мусор — это его личная, так сказать, инициатива. Неплохо устроился, пройдоха!

Еще одна стопка — всякая дребедень. Рекламные буклеты, визитки, газеты и прочая чепуха. Ничего полезного я не нахожу.

Перехожу к ящикам и вытаскиваю настоящий клад. Похоже, это бумаги предыдущего владельца. Чего тут только нет! Отчеты, планы, заметки... Личные письма, вместе с которыми хранятся черновики ответов на них.

Предыдущий хозяин был просто маньяком порядка. И благодаря этому у меня появляется прекрасная возможность погрузиться в неторопливый стиль старосветских писем.

Конечно же, завидев имя Проциона Ракуна на одной из стопок, я откладываю все остальные бумаги и вчитываюсь в беседу моего патрона, которая велась много лет назад.

“Дорогой Агни! Как твои дела?” — я пробираюсь через витиеватую, наполненную формулами дружбы, речь Проциона. Читаю, и в голове звучит его мягкий добрый голос... Мозг рисует его мимику и жестикуляцию. И от осознания, что я больше никогда не увижу, не услышу и не обниму своего друга, на глаза снова наворачиваются слезы. Я же так и не смогла его оплакать...

Читаю черновики ответов. Собеседник Проциона был таким же старомодным в выборе слов. Я не знаю, кто этот Агни, но мне почему-то представляется второй Процион, только немного сварливее и угрюмее.

Ныряю в переписку, как в старинный роман. Друзья делились, кажется, всем. Из писем я узнаю, что у Проциона была пассия, которая ушла к другому. Узнаю, как он оплачивал карточные долги Лакаша. И вообще много нового узнаю о своих новоиспеченных родственниках.

И в который раз поражаюсь необъятностью сердца своего друга. Он искренне любил их, расстраивался из-за их неудач, в которых были виноваты они сами, давал им шанс за шансом и ни разу не пожаловался в письме на них, ни слова плохого ни о ком не сказал.

“Мой друг, — писал ему в ответ господин Агни, — смею предположить, что ты их несколько разбаловал. Вот увидишь: они еще проявят себя во всей красе. Особенно твой бедовый племянник Лакаш. Я с ним не знаком лично, но судя по твоим описаниям этот молодчик способен на многое, и я не про науки или искусства. Хотя воровство и криминал некоторые относят и к тому, к другому...”

Улыбаюсь такому по-стариковски меткому и едкому комментарию.

Беру следующий черновик письма Агни. Это не ответ на письмо Проциона, а внеочередное послание. И это уже удивляет. Но то, что я нахожу дальше, заставляет меня подскочить к окну и задернул дырявую штору, а перед этим удостовериться, не бродит ли кто-либо возле моего домика.

9

“Друг мой Процион, — начинается письмо как обычно, — у меня к тебе есть деликатнейшая просьба, о причине которой никто не должен узнать. Иначе под угрозу попадет не только Грюннендрахт, но и вся Эльдратория...

Как ты, наверное, догадываешься, дни мои сочтены. Целители дают мне от силы пару месяцев. И именно сейчас, в ту пору, когда мне надо бы задуматься о том, как достойно уйти, драконы-прародители подкинули мне новое испытание.

Начну издалека.

Когда я только получил во владения эту свалку, ко мне пришел Верховный служитель культа Старшего Дракона. О, я скажу тебе, это невероятный человек! Ум его острее драконьих когтей, а глаза видят будто сквозь время.

Он поведал, что в незапамятные времена, когда люди еще не познали благочестивых драконов-прародителей, они поклонялись темным богам и строили в их честь святилища. В таких святилищах творились ужасные и омерзительные вещи, отвратительным порождениям бездны подносились кровавые жертвы.

И когда благословенные драконы пришли на наши земли, они первым делом выкорчевали культы темных божеств, уничтожили и сравняли с землей места поклонения им.

Было это, как ты понимаешь, настолько давно, что и сами драконы, которым отмерен долгий век, не помнят этого. Сие знание передают друг другу лишь посвященные.

Верховному служителю было видение, что одно из таких темных святилищ находилось на месте моей свалки. Он долго искал о нем информацию в книгах и свитках и находил лишь обрывочные сведения.

Но из них, подобно тому как из осколков складывается разбитая ваза, собирается страшная картина. Именно здесь, на земле, по которой я хожу, некогда находились Врата в Бездну. По неведомым нам причинам Драконы не уничтожили их, а засыпали землей.

Верховный предупредил, что мне стоит быть осторожным и в случае обнаружения Врат немедленно вызывать его. Он боялся, что среди его окружения есть алчные и завистливые люди, которые вознамерятся открыть путь в Бездну, поэтому никому не рассказал о своем открытии.

Недавно я узнал, что Верховный скончался. Это был великий и мудрый дракон. Да примут Драконы-прародители его душу. Но теперь о Вратах знаю только я.

Мой друг. Эта тайна жжет и корежит меня. Это непосильная ноша для одного. Пока был жив Верховный, мы несли ее вдвоем, но теперь я не справляюсь.

Поэтому заклинаю тебя, раздели со мной эту трудность. Только тебе я могу доверять, больше никому... Прости, что взваливаю на тебя эту ношу вот так, без спроса.

Когда меня не станет, прими свалку. Только ты настолько чист и добр, что не попытаешься искать этот страшный артефакт. Только ты настолько силен в душе, что выдержишь вес этой тайны”.

Я выдыхаю и откладываю письмо, обхватываю голову руками. Теперь с этой тайной жить мне...

В Бездне обитают самые темные сущности и божества. У них до сих пор, несмотря на инквизицию, есть поклонники, которые мечтают выпустить своих властителей на волю. А этого допустить никак нельзя.

Но я хотя бы знаю, на что могу наткнуться. И хотя бы знаю теперь, к кому обратиться.

Надо попасть на встречу к нынешнему Верховному... Но меня начинают жидить сомнения. Что, если его предшественник не успел поведать ему о своих находках? Что, если он сочтет мой рассказ бредом? А из доказательств у меня лишь черновик письма...

Остаток вечера я мечусь по домику в поисках места, которое может стать тайником для письма.

Нахожу его в спальне в щели между досками пола. Для верности устраиваю перестановку мебели. На тайник перетаскиваю кровать. Такие физические нагрузки отнимают последние силы, и я ложусь спать в совершеннейшем изнеможении.

В сон проваливаюсь мгновенно. Сон липкий, тягучий, страшный. Меня преследуют темные тени, которые лезут из щелей в полу и стенах моего домика. из печи и окон.

Я несколько раз просыпаюсь с криком, подрываюсь, сижу, ощущая, как сердце бешено колотится в груди. Немного успокаиваюсь и снова проваливаюсь в мутные сновидения.

Поднимаюсь разбитая. Завтрак такой же скудный, да и есть совсем не хочется. Голова тяжелая, на душе беспокойно.

Когда я ополаскиваю тарелку, слышу стук в дверь. На пороге стоит Бай. В его руках мешок.

— Можно? — с легким поклоном спрашивает он.

Я хрипло, словно с похмелья, приглашаю его в дом. Он заходит и с удивлением оглядывается.

— А тут, оказывается, и не такая уж дыра, — с удивлением тянет он. — Пожалуй, у вас действительно может что-то получиться. Это вам, — протягивает мешок мне.

Я ставлю его на стол, открываю, и у меня глаза лезут на лоб. Вынимаю содержимое дрожащими от волнения руками. Там хлеб, мешочки с крупами, мукой, пакеты с орехами и сухофруктами и крынка с молоком.

— Благодарю, — бормочу я. — Не стоило.

— Это ничто по сравнению с тем, что вы нам дали, — качает головой Бай. — Мы вчера наблюдали за вами и не заметили, чтобы вы отправились на рынок за едой. А от того старика-смотрителя вам вряд ли осталось что-то съедобное.

— Я вам ничего особенного не давала — лишь вернула то, что у вас обманом забрали, — тихо возражаю я.

— О! Я не про деньги, — усмехается Бай. — Вы нам дали нечто гораздо большее — надежду и возможность.

Я сдерживаю подступающие слезы и приглашаю собеседника за стол. Когда садимся, спрашиваю:

— Значит, вы всё обсудили со своими людьми и они приняли предложение?

— Да. Мы готовы сотрудничать с вами. У меня много горячих, рвущихся в дело мужчин. Много умных и старательных женщин и шустрых детей. Это, кстати, они с самого утра сбегали на базар и добыли вам припасы. Вуди особенно старался вам угодить.

Помощь от этих обездоленных людей греет и отгоняет черные мысли, которые терзали меня с вечера. Может, я зря вчера так переживала? Если эти Врата действительно на моей свалке, они погребены под толстым слоем отходов. Я до них доберусь не скоро, а к этому времени предупрежу Верховного.

Во мне разгорается жажда действий. Желание приступить немедленно подгоняет в спину.

— Тогда начнем, — говорю уверенно и поднимаюсь из-за стола. — И вот с чего!

10. Кадмон

Я отношу пройдоху-смотрителя в тюрьму и передаю страже, кратко обрисовав, в чем его подозреваю. Подробности они сами из него выудят.

На собрание совета я, конечно же, опаздываю. Но меня это не особо заботит: представители гильдий никуда не разойдутся и не посмеют пикнуть ни слова недовольства.

Меня беспокоит иное. Непонятный клубок чувств и эмоций после знакомства с юной вдовушкой Ракун. Кровь кипит, а кулаки сжимаются. И в груди словно растекается лава.

Прикрываю глаза, как обычно делаю на собраниях, когда принимаю доклады от глав гильдий, и откидываюсь на спинку кресла. Но сейчас я слушаю не членов совета, а себя, пытаюсь успокоить разогнанную кровь и унять напряжение. Сжимаю подлокотники кресла железными тисками до треска.

Глаза закрыты. И перед внутренним взором всплывает образ вдовы Ракун — такой милой, нежной, безвредной и незащищенной. Но разум знает, что скрывается за этим обликом благородной невинности — хладнокровная убийца, отравившая мужа!

Это противоречие ангельской внешности и демонической сущности бесит, будоражит, злит и... интригует. Я ожидал совершенно иного — готовился встретить хитрую прожженную стерву, готовую на все ради денег. А увидел полную противоположность ожидаемого.

И пусть девчонкапри мне ничего плохого и, как оказалось, никакого отношения к поборас среди беженцев не имела, но я буду ждать от нее худшего. В конце концов, люди всегда огорчают. Я давно живу по правилу: не очаровывайся, чтобы не разочароваться. Так что просто буду ожидать от вдовушки подвоха. А раз я буду готов, то ей не удастся удивить и огорчить меня.

Решив так, я наконец переключаю внимание к заседанию и веду его до самого конца.

Проходит пара дней, мыслями я всё равно постоянно возвращаюсь к госпоже Ракун. Ловлю себя на том, что веду с ней воображаемые диалоги, стараясь поймать ее на лжи, вывести на чистую воду.

Утром третьего дня Кассиус Дотор, начальник моей тайной службы, сообщает, что ночью его люди предотвратили попытку нападения на лагерь беженцев со стороны горожан. Говорю же: люди всегда разочаровывают!

Я трачу огромные ресурсы, чтобы Грюннендрахт стал гостеприимным и безопасным городом, иначе в эту дыру не привлечь купцов. И подобные вспышки ненависти к чужакам мне вовсе не на руку.

Кассий устраивает мне встречу с главарем зачинщиков. Я дожидаюсь в одной из допросных, расположенных в здании тюрьмы. Вскоре ко мне приводят невысокого оборванца с тупыми глазами. Увидев меня, он сжимается, словно хочет превратиться в крысу и сбежать в нору.

Его сажают за тяжёлый стол и заковывают в прикрепленные к металлической скобе посреди столешницы кандалы. Цепи звенят — так трясется этот недоделок.

— Итак, — начинаю я вкрадчивым тоном и мягко сажусь напротив бандита — поведай мне, с чего вы вдруг решили напасть на беженцев. Разве они кому-то мешают?

Тот отвечает дрожащим голосом:

— Ваше сиятельство! Так не в том же дело, что мешают...

— Тогда в чем? — все еще мягким голосом спрашиваю я.

Бандит боязливо оглядывается и произносит шепотом:

— Так того, деньги у них появились. Вот мы и хотели... того...

— Ты смеёшься? — рычу я. — Откуда у бедняг деньги? Вы ж их ни к чему не допускаете! Откуда деньгам взяться?

— Да почём мне знать, откуда деньги! Просто видим мы, что стали они на рынок выползать и еду хорошую брать. И детишкам своим кой-чего. Вот мы и смекнули: деньга завелась...

А вот я, кажется, догадываюсь, откуда у них деньги. Но верить не хочу. Потому что это расшатывает мою уверенность в подлой натуре вдовы Ракун.

Протягиваю руку, хватаю кандалы и дёргаю цепи на себя. Бандита срывает с места и забрасывает на стол. Его морда на расстоянии вытянутой руки от моего лица.

— Послушай сюда, дружок, — притягиваю побелевшего бандита вплотную к себе. — Передай остальным, что беженцы неприкосновенны. Кто их попытается обидеть, немедленно окажется в тюрьме. Понял?

Бандит кивает, глядя на меня перепуганными глазами. Его продолжает трясти так, что он мычит в ответ что-то невразумительное, но по интонации согласное. Приказываю отпустить оборванца и поставить за ним слежку.

А у самого крылья чешутся проверить свою догадку.

Минут через десять я зависаю над лагерем беженцев и глазам своим не верю. Рядом с их палаточным городком высятся горы досок. Откуда? Только приземлившись и приняв человеческую ипостась, я вижу их неоднородность. Доски очень разные и по длине, и по цвету, и по состоянию.

Нахожу Бая. Он сдержанно улыбается.

— Господин Фламберг! — приветствует меня неглубоким кивком.

— Что вы тут затеяли? — обвожу взглядом стройматериалы.

— Госпожа Ракун позволила нам строиться на этой земле и разрешила брать найденные на свалке материалы в неограниченном количестве, — с лёгким холодом отвечает Бай. — А ещё она компенсировала деньги, которые обманом выманил смотритель.

Ну надо же, какая щедрая!

— И что она попросила взамен? — приподнимаю бровь, не скрывая своего скепсиса.

— Она взяла нас на работу, господин Фламберг, — с едва заметной теплотой отвечает Бай. — Пойдемте покажу.

Он ведет меня на свалку. И изменения я вижу сразу. Каша из грязи и отходов больше не хлюпает под ногами. Я смотрю вниз, чтобы понять, что случилось. Бай замечает это.

— Мы стали посыпать дорожки осколками керамики, — объясняет он. — Находим старую глиняную утварь, разбиваем в мелкие кусочки, а потом посыпаем дорожки.

Я поражаюсь, как всё, оказывается, просто! Непролазная грязь — проблема многих немощеных улиц Грюннендраха, до которых я еще не добрался со своим благоустройством. А решение всё это время лежало в прямом смысле под ногами. И чтобы найти его, девчонке понадобилось три дня...

В кровь снова вбрызгивается пламя, я сжимаю кулаки и выдыхаю горячую струю воздуха.

Проходя по свалку обращаю внимание, что здесь появилось разграничение на зоны. Пока черновое: на торчащие из земли колышки натянуты веревки-ограничители. Ну что ж, это уже какая-то система.

А потом я вижу вдовушку Ракун. Она стоит неподвижно перед кучей мусора и внимательно ее изучает. Пламя в крови только сильнее разгорается: я уверен, что девчонка что-то замышляет. Ну кто в здравом уме будет отдавать другим такую сумму?!

— Госпожа Ракун! — окликаю ее, и мой голос переходит на рык. — Объясните мне, какую игру вы затеяли?!

Она оборачивается, замечает меня. Ее глаза расширяются, и в них мелькает... Радость? Девчонка широко улыбается и готовится что-то сказать. И в этот момент я замечаю краем глаза нечто ужасное.

— Нет! — кричу мужчине, который поставил перед собой изящный расписной сосуд и занес над ним дубинку. — Не смей!

Поздно.

Дубинка обрушивается на Амфору Ветров.

Свалку сотрясает взрыв.

11

— ...затеяли?! — слышу за спиной голос губернатора.

Я оборачиваюсь слишком поспешно. Губы сами собой растягиваются в приветливую и, наверное, дурацкую улыбку. О! Господин Заносчивый Дракон тут?! Ну сейчас я ему покажу! Я так много сделала за эти несколько дней, и мне не терпится ткнуть своими достижениями в его наглое красивое лицо!

Но это лицо вдруг преображается в гневную маску.

— Не смей! — кричит он кому-то у меня за спиной, по его лбу пробегает рябь черной чешуи, глаза вспыхивают двумя огнями.

И в этот момент мне на спину обрушивается сокрушительный удар. Меня сметает и валит лицом и грудью на острые осколки. На мгновение мир погружается во тьму, а уши наполняются звоном.

Это похоже на взрыв... Неужели на моей свалке нашлось что-то опасное?

Тогда мне надо быть там! Если пострадали люди? Дети? Перед глазами встает улыбчивый Вуди с одноногим игрушечным солдатиком в руках. Мальчик так радовался, когда нашел его.

Сил подняться нет. По телу разливается волна боли. Звон в ушах нестерпимо сильный, от него тошнит и хочется закрыть глаза. Ну же, Катя, поднимайся! Там твои люди! Им нужна помощь!

С двцатой попытки я отталкиваюсь руками и наконец поднимаюсь. Меня ведет в сторону, и мне приходится придерживать голову руками. Она такая тяжелая! Кажется, что она вот-вот завалится и утянет меня за собой.

Я медленно поворачиваюсь и вижу на куче мусора воронку, из нее торчат рваные ботинки. Я едва переставляю ноги, но добираюсь до лежащего в воронке на спине с раскинутыми руками Дэна — рубаха в лохмотья, грудь и лицо залиты кровью. Глаза открыты.

Он кашляет и рвано дышит. Я иду к нему, падаю на колени и зову на помощь. Но я не слышу собственного голоса. Все завлакивает пришедшая вместо звона ватная тишина.

Поднимаю голову, чтобы понять, что происходит. И замираю, забывая вдохнуть. Над свалкой творится нечто. Над ней носятся прозрачные тени, напоминающие китайских змееподобных драконов.

Насчитываю четыре: желтую, красную, синюю и зеленую тени. Они вьются по свалке, роняя людей и врезаясь в кучи мусора. Всё, что мы сделали за два дня, разбросано, разметано стихийной силой.

За теньями гоняется черный дракон. Он безжалостно ловит их и стискивает в передней лапе. От мельтешения у меня болят глаза, и я склоняюсь над Дэном. Вдыхаю, от чего по груди разливается волна боли.

Дэну надо срочно помочь, но я не понимаю как. Мне в голову приходит лишь стереть с него кровь, чтобы оценить повреждения. Не знаю, откуда берутся силы, но я отрываю ленту от подола и вытираю Дэну лицо.

Мне страшно до жути. Дэн судорожно хватает ртом воздух, но кашель не дает ему дышать. Смерть собирается забрать еще одного хорошего человека прямо на моих глазах. Меня наполняют отчаяние и ярость. Почему я не врач и не целитель?! А бестолковая попаданка, которая ничего не может сделать!

Внезапно рядом со мной на колени опускается хрупкая блондинка в черном бесформенном балахоне. Я видела ее в лагере, но она всегда держалась в стороне. Блондинка останавливает мою руку и кладет свои ладони на грудь Дэну.

От них растекается свет, который расходится в воздухе сияющими разводами, словно чернила в воде. Раненый вдруг вздрагивает, его начинает бить крупная дрожь. Девушка отнимает ладонь от груди Дэна и хватает меня за руку. Что-то говорит.

Я качаю головой, я не понимаю. Тогда блондинка кладет мою руку на плечо Дэну и прижимает.

— Держать его? — спрашиваю, вновь не слыша себя.

Девушка кивает.

Я делаю, как она показала. Дэн содрогается и пытается вырваться, но я держу изо всех сил. Блондинка сосредоточена только на раненом, она гладит его раздавленную грудь, руки и ноги. Сжимает в ладонях его голову. Всё это сопровождается вспышками и потеками света.

Кровь на раненом быстро высыхает, сам он постепенно успокаивается. В конце концов он затихает, его грудь мерно вздымается. Без рывков и судорог.

Блондинка сделала это. Она его исцелила и вырвала Дэна из лап смерти.

Только далось ей это немалой ценой. Она сама теперь похожа на смерть. Под глазами глубокие тени, лицо осунулось, кожа побелела и истончилась.

К нам подбегает Бай и его люди. Осторожно вытаскивают под ноги и руки Дэна из воронки. Бай помогает выбраться мне, затем нависает над блондинкой. Ее он бесцеремонно берет за плечи и рывком поднимает.

Девушку шатает от усталости, и я подхожу к ней, чтобы поддержать. Сама иду такой же неуверенной походкой. Бай смотрит на меня, качает головой и подхватывает блондинку на руки, а ко мне подходит один из его людей и подставляет плечо.

Посреди свалки стоит черный дракон, в каждой лапе у него по две тени. Я всё еще ничего не слышу, но чувствую, как вздрагивает земля под лапами монстра.

Вдруг блондинка срывается с рук Бая и бежит к дракону. По пути засовывает тонкую руку в черный балахон и вытаскивает оттуда какой-то блестящий серебром предмет, кажется, горшочек с узким горлом.

Бай бросается за блондинкой и пытается ее удержать, но дракон делает выпад шеей в его сторону, мол, уйди, не мешай, и Бай останавливается. Может, дракон даже рычит, но я не слышу.

Девушка подбегает к Фламбергу, держа над головой серебряную вазочку. И дракон начинает засовывать в нее пойманные тени. Стоит только хвосту стихийного духа коснуться горлышка вазы, как его засасывает внутрь целиком с невероятной скоростью.

Затолкав всех пленников в серебряный горшочек, Фламберг принимает облик человека. Он выхватывает у блондинки блестящий сосуд и прячет в нагрудный карман.

Затем осматривается, замечает меня и направляется ко мне. И судя по его размашистому твердому шагу, по развевающимся волосам, хмурым бровям и легкому дымку, который вырывается из ноздрей мэра, он в лютом бешенстве.

Его вид пугает. Мои ноги прирастают к земле, сердце стучит, кажется, прямо в голове. Кожа под платьем покрывается мурашками.

А Фламберг приближается с неумолимостью цунами.

Наверное, будет орать.

Хорошо, что я ничего не слышу.

12

Я быстро оглядываю себя. Всё платье в крови Дэна. Подол оторван. Руки расцарапаны осколками, на которые я упала, ногти черные от грязи. Провожу горячей от мелких порезов ладонью по волосам. На ощупь — воронье гнездо.

Не принцесса — королева! Помойки...

А Фламберг уже передо мной. Кладет тяжелые руки на плечи, приближает свое лицо к моему и что-то говорит. В меня. Иначе не сказать. Брови сгрудились у переносицы, в глазах огонь, по лбу пробегает рябь чешуи — это какая-то очень гневная тирада.

Только я ни словечка не понимаю. Пытаюсь прочесть по губам, но залипаю на них. Такие чувственные. Неужели они могут принадлежать злему дракону? Кажется, я мечтательно улыбаюсь.

— Вы добьетесь того, что я закрою вашу свалку и сожгу ее ко всем демонам, — рык Фламберга вдруг врывается в уши и разбивает спасительную тишину.

Я от неожиданности подпрыгиваю, словно кошка, напуганная звоном посуды, и на рефлекс выкрикиваю:

— И незачем так орать!

Фламберг замолкает и с удивлением вглядывается мне в лицо.

А на меня обрушиваются звуки. Треск, крики, детский плач... Они взрывают мне мозг. Я отталкиваю губернатора, отскакиваю и закрываю уши руками. Сгибаюсь, как от боли в животе. Пытаюсь заглушить страшную какофонию.

Сердце пускается вскачь и вот-вот выломает ребра изнутри, горло стискивает спазм, и я не могу нормально вдохнуть. Хватаю воздух ртом, как утопающий.

В этот момент меня подхватывают крепкие мужские руки, встряхивают, прижимают к каменной широкой груди в шикарном камзоле и начинают гладить по спине и по волосам, утешать, как ребенка.

— Успокойся... — шепчет Фламберг. — Это сейчас пройдет. Так бывает после взрывов. Что ж ты сразу не сказала, что не слышишь?..

Я теряюсь от неожиданности. Только всхлипываю. Что нашло на господина губернатора? Я думала, он умеет лишь свирепо смотреть и угрожать... Что сожжет свалку...

Сожжет свалку... Меня пронзает страшная мысль. Она приносит ясность и твердость. Я выдыхаю, дышу на счет и постепенно успокаиваюсь, сердце замедляется. Звуки теперь не кажутся такими страшными.

Мягко, но решительно отстраняюсь от Фламберга, в глазах которого на мгновение ловлю досаду.

— Свалку нельзя сжигать! — сообщаю я.

Ни в коем случае нельзя. По крайней мере, пока я не переговорю с Верховным. Потому что пожар может обнажить спрятанные врата. Но сказать этого Фламбергу я не могу.

— Мы только что убедились, что тут много опасных артефактов, — продолжаю я. — А если тут еще и зелья? Если сжечь свалку ко всем демонам, то можно устроить тут взрыв такой силы, что Грюннендрахт сметет с лица земли.

Фламберг хмурится. Но больше не орет. Буравит меня горящим взглядом.

— Вам надо к целителю, — наконец роняет он. — У вас всё лицо в крови.

Вот мы снова на вы... Это неприятно колет в сердце и почему-то раздражает.

— Мне надо умыться, причесаться и подумать, как быть дальше. С новой информацией о том, что тут есть опасные артефакты, — возражаю я. — Кстати, что это было?

— Амфора ветров... — задумчиво произносит Фламберг. — По закону магические предметы и зелья нельзя бросать на обычной свалке...

— Ну, теперь мы знаем, что кто-то не сортирует отходы, — отвечаю устало. — А теперь прошу меня извинить, мне надо проверить, как мои работники. Если они у меня еще есть.

Фламберг смеряет меня уже знакомым фирменным взглядом с насмешкой. Ну вот мы окончательно вернулись к тому, с чего начали.

— Я приду и проверю, что вы придумали, — рокошет он.

Затем слегка кланяется, разворачивается и двигается прочь. Я провожаю его взглядом. Фламберг не уходит сразу. По пути он подходит к беженцам, что-то у них спрашивает, хлопает по плечу. Я с усилием отвожу взгляд и иду искать в этом хаосе Бая.

С облегчением понимаю, что, кроме Дэна, серьезных ранений никто не получил. Плохо, что теперь на свалке вместо надежды властвует страх.

Нахожу Бая в лагере беженцев под рваным навесом. Он сидит рядом со спасшей Дэна блондинкой. Та лежит без сознания на матрасе, набитом соломой.

— Как она? — спрашиваю участливо.

— Выкарабкается, — с затаенной злобой говорит Бай. Он ко мне даже не оборачивается.

— Кто это и почему вы так к ней относитесь?

— Ее зовут Долорес, — бросает Бай. — И она кое в чем провинилась.

— Она же совсем девочка, что такого страшного она могла сделать?

Я удивлена. Мне казалось, что в общине Бая все поддерживают друг друга. Но сейчас я отчетливо вижу неприкрытую ненависть. Вспоминаю предыдущие прогулки в лагерь беженцев и понимаю, что так относятся к Долорес все без исключения, даже дети.

Бай некоторое время молчит, но потом всё же рассказывает:

— Она, скорее, не сделала кое-чего важного. Она не спасла двух маленьких девочек, которые отравились ягодами.

— Она даже не пыталась исцелить их? — мне тяжело поверить в это обвинение, потому что я видела, как Долорес самозабвенно взялась за лечение Дэна, а потом из последних сил бежала, чтобы отдать дракону серебряный сосуд.

— Почему же... Пыталась... Только без результата, — холодно цедит Бай.

— Но сегодня она спасла Дэна и помогла Фламбергу спасти всех нас.

— Только поэтому я с ней и вожусь, — отрезает лидер беженцев.

Я обязательно с этим разберусь. У них есть собственная целительница, а они относятся к ней, как к преступнице. Разберусь. Но сначала более важные вопросы.

— То что произошло на свалке... Этот взрыв... — делаю паузу, подбирая слова.

— Он очень напугал моих людей, госпожа Ракун, — поворачивается ко мне Бай и смотрит прямо в глаза. — Боюсь, мы не сможем с вами сотрудничать. Я не позволю своим людям так рисковать.

13

Я ожидала подобного. Но все равно новость становится для меня ударом. Бьет, словно кулаком в сердце.

— В-вы уверены? — уточняю я, перебирая в уме аргументы, которые придумала, пока искала Бая.

Лидер беженцев поднимается и нависает надо мной:

— Уверен ли я? Тысячу раз да!

— Вам больше никто не предложит работу в этом городе, — захожу с козырей.

— Вы дали нам достаточно денег, чтобы мы наладили дела и стали вести хозяйство, — парирует Бай.

— Рядом со свалкой? Которая может рвануть? А воду будете брать из отравленной реки? — во мне просыпается боевой настрой, слезы высыхают.

— Если вы ничего не будете трогать, то ничего и не рванет! — отрезает Бай и втыкается в меня сердитым взглядом.

— О нет, господин Бай! — я не отвожу глаза. — Если я ничего не буду трогать, то свалку передадут кому-то не такому доброму. Тому, кто и на пушечный выстрел не подпустит вас к ней.

— Вы шантажируете меня, что прогоните нас с этой земли? — с угрозой произносит он.

— Нет, я пытаюсь объяснить вам, что мы все еще в одной лодке. У вас правое весло, у меня левое. И пока мы не начнем грести слаженно, будем крутиться на месте. Ах да, в лодке пробоина!

— Я не могу позволить своим людям так рисковать! — рычит Бай, надвигаясь на меня грозовой тучей.

— Зато можете позволить им жить в нищете и питаться объедками, — я стойко держусь, как ивовый прутик против урагана. — Вас много, и деньги скоро кончатся. Вы и половины задуманного не сделаете, если мы не наведем тут порядок.

— Я готов вернуть людей, но только когда на свалке станет безопасно. Вы говорите, нас много. Да. Но для меня важен каждый человек, никто больше не должен пострадать.

— Я вас поняла, — киваю. — Я придумаю, как сделать работу безопаснее. Мы найдем способ определять магически заряженные артефакты.

И тут со стороны навеса раздается слабый голос:

— Я знаю, кто может помочь...

Мы оба с удивлением смотрим на Долорес, которая приподнялась на локтях и смотрит на нас с надеждой.

— Не шути со мной, — угрожающе произносит Бай.

— Я знаю, кто может определять опасные артефакты, — твердо повторяет Долорес, в ее глазах вспыхивает упрямство.

— Если ты лжешь... — сжимает кулак Бай.

— Давайте дадим девочке сказать, Бай, — настойчиво говорю я.

— В городе живет нищий артефактор Фармо, — начинает Долорес. — Я его встретила на свалке, когда он пытался вынести разбитое зеркало связи. Мы разговорились. Фармо рассказал, что много лет назад поссорился с главой своей гильдии, и его за это изгнали. Растеряв всех клиентов, Фармо совсем опустился. Я ему помогла вынести зеркало, а он в благодарность дал мне амфору духов, в которую сегодня Фламберг заточил злые ветра.

— Ну и компания подбирается, — хмыкнул Бай, — черная вдова, беженцы, целитель-неудачник и нищий артефактор.

— Я просто предлагаю выход... — девушка устало падает на матрас. Бедняжка потратила на разговор слишком много сил.

— Спасибо, Долорес. Это реальная возможность, — благодарю я и разворачиваюсь, чтобы покинуть лагерь.

— Вы куда? — доносится в спину голос Бая.

— Решать проблемы! — бросаю в ответ и иду в свой домик.

Там я привожу себя в порядок. Снимаю испорченное и откладываю в сторону. Потом приведу в порядок. Надеваю изумрудно-зеленое платье, которое подарил незадолго до свадьбы Процион. Оно совсем непрактичное, но другого нет.

На выходе меня уже поджидает Бай. Вид у него свирепый.

— Это что? — кошусь на дубинку в его могучих кулачищах.

— Я не отпущу вас одну в этот город, — качает головой Бай. — В отличие от вас, я успел хорошо познакомиться с жителями Грюннендрахта. И знакомство, скажу я вам, не из приятных. Приличных людей единицы. И те драконы. Вернее, дракон.

Мы пускаемся в путь. Вид у нас как у героев какой-нибудь сказки. Девушка в дорогом зеленом платье и идущий рядом с ней бандитского вида охранник.

— То есть вечно недовольный Фламберг, по вашему, — приличный? — спрашиваю я у Бая.

— Мы живы только благодаря ему, госпожа Ракурн, — роняет тот. — Ему приходится руководить городом, в котором правят главы гильдий, мечтающие закопать друг друга на, простите, свалке. Тут хочешь не хочешь сделаешься сердитым.

— То есть взрослого мужика, который, кажется, не умеет говорить без угроз, вы оправдываете. А девочку, которая едва-едва вошла в силу, — нет... Может, у нее тогда еще не было нужных навыков, чтобы спасти детей...

— Может, — кивает Бай, но лицо его делается каменным. — Я это понимаю. Но видите ли... Это были мои дочери.

От его слов становится жутко. Я видела, как погибает мой друг. Но я и близко не представляю, каково это — видеть, как умирают твои дети.

— Мне жаль... — тихо произношу я.

Бай кивает.

Дальше разговор не клеится.

Нас пропускают через городские ворота. Стражники на входе смеряют нас презрительными взглядами, но молчат. В отличие от встречаемых жителей.

— Убийца... — сурово шепчет проходящая мимо старушка.

— Отравительница... — цедит старичок.

— Закрой свою грязную свалку! — откровенно зло кричит бедно одетая женщина.

Теплый прием, однако. Чувствую, как медленно закипаю. Язвительные слова так и вертятся на языке. Но идущий впереди и показывающий дорогу Бай шепчет:

— Не надо, госпожа. Не давайте им повода напасть.

Он прорезает толпу прохожих, словно ледокол. Двигается невозмутимо, поигрывает мышцами и как бы невзначай покачивает дубинкой. Выработал привычку за долгие годы.

Я беру пример с него. Мы проходим сквозь толпу и сворачиваем с широкой улицы в кривой пустынный переулок. Идем медленно. Не покидает ощущение, будто за мной следят. Осматриваюсь, и никого не вижу.

Бай ныряет между стоящими рядом домами. Оказываемся в закрытом дворе, посреди которого растет дерево. Рядом с деревом лежит большая бочка. Из нее доносится храп.

Бай стучит по бочке дубиной.

— Господин Фармо! — произносит требовательно. — С вами пришли поговорить. Есть предложение!

Храп смолкает. Но тут сзади слышится сиплый мужской голос, в котором полно затаенной угрозы.

— А это кто пожаловал? Сама хозяйка свалки! Ну погоди, дорогушка, ты нам за всё ответишь!

Оборачиваюсь и Выход из дворика перекрывают три амбала со страшными мордами и безжалостными глазами.

14

Бай молча задвигает меня за спину, покрепче перехватывая дубину.

Несмотря на наши разногласия этот здоровяк все равно встает на мою защиту. В груди теплой волной разливается благодарность. А с ней приходит страх. Бай, конечно, внушительный малый, но вряд ли в одиночку выстоит против троих.

Поэтому я внезапно для него (и для себя) выхожу вперёд и становлюсь между Баем и амбалами. Они замирают и с недоумением смотрят на меня. Что ж, для них мой порыв стал таким же сюрпризом, как и для меня.

— Стойте! Давайте поговорим! — предлагаю я.

— Ты нам зубы-то не заговаривай, — скинув оцепенение, рычит тот, что посередине. — Мы просто тебя немного проучим.

— За что? — спрашиваю я.

— Да за свалку твою! — отвечает тот, что слева, и щурит мутные глаза с бельмами. — И за то, что людей мирных травишь. Думаешь, не знаем мы про муженька твоего?

— Там жизнь забрала, теперь сюда приехала? — дополняет амбал справа и трясет палкой.

Меня пронизывают страх и отчаяние. С ними говорить бесполезно. Они уверены в моей виновности и в том, что накажут убийцу. Нам не выбраться из западни...

И вдруг передо мной выкатывается белая бусина, похожая на жемчуг. Затем хлопок — и она взрывается яркой жёлтой вспышкой. Показательно и шумно, но без последствий — как новогодняя петарда. Я после сегодняшних приключений подпрыгиваю от неожиданности и хватаюсь за сердце. За спиной слышу решительный трескучий голос:

— Ещё кто приблизится — так у меня таких бусин навалом. И не все настолько безобидны. Каждому хватит.

— Дед! Не балуй! — в голосе центрального амбала предупреждение и... страх?

Я оборачиваюсь и вижу тощего старика. Впалый живот, грудь с торчащими ребрами — вылитая советская батарея. Он одной рукой поддерживает полосатые штаны а-ля битлджус. С горящими глазами и растрепанными седыми космами старик похож на бешеный одуванчик. В свободной руке перекачивает горсть бусин.

— Я те дам девок пугать! — сварливо произносит старик. — А ну геть отсюда, пока я вас не подпалил!

— Фармо! — в голосе амбала сквозит разочарование оставленного без добычи волка. — Ну как же так?! Она ж злодейка! Ее ж проучить надо!

— А даже если и злодейка?! Но не в моем же двореке бить! У меня вона в бочке артефакты тонкой настройки. Стукнете мимо — и весь квартал на воздух взлетит.

Фармо сердито щурится в кустистые брови и трясет всклокоченной бородежкой.

— Эх, дед... — злобно рычит один из амбалов. — Не надо было тебя пускать сюда. А так сидим теперь, как на бочке со взрывчаткой.

— Чё, — старик наклоняет голову, — не нравлюсь те, да? Ну так и возитесь со своими ломаными артефактами сами. Или в гильдию идите. Тока перед этим семью не забудьте в рабство продать. Их цены вы знаете.

— И куда ты пойдешь, дед? — кривит рот в улыбке амбал. — Тебе никуда дороги нет.

— А вот к ей и пойду, — тычет в меня пальцем Фармо. — Ты ж за этим пришла, деуля?

Мы с Баем в немом изумлении переглядываемся и синхронно киваем. Переговоры проходят совсем не по плану, но не скажу, что я этому не рада.

Из груди амбала вырывается вздох облегчения. Второй вытирает пот со лба. Третий расплывается в улыбке.

— Ладно... — говорит мне главный. — Пока мы не будем портить тебе личико, только заведи деда с собой. Но не расслабляйся. В следующий раз ты так просто не отделаешься.

На этом амбалы по одному покидают дворик. Мне не верится, что всё прошло так легко. Я провожаю взглядом троицу, а потом поворачиваюсь к Фармо.

— Спасибо вам, что отогнали этих... — говорю с благодарностью и боязливо кошусь на зажатые в руке старика бусины.

— Ай, девушка, не за что... А на эти бусики не смотри. От них ничё не будет. Пустые они.

— То есть вы угрожали этим громилам... ничем? — изумленно спрашиваю я.

— Ну поверили ж, — довольно скалится дед. — Но про бочку со взрывчаткой — это правда. Опасная она.

Бай смотрит на меня с сомнением. Теперь идея пригласить Фармо не кажется такой чудесной.

— А с чего вы взяли, что госпожа Ракур пришла вас позвать? — спрашивает Бай.

— Тю... — усмехается Фармо. — Как она появилась, на свалке начались шевеления. Я-то ходил, смотрел, что вы там разбирать всё начали. А я уж знаю, что там тако-о-ое лежит под ногами, что не тронь — рванет. И судя по тому, как над свалкой кружили сегодня духи ветров, — таки рвануло.

— Рвануло... — мрачно соглашается Бай.

— Я так и прикинул, что вам нужен будет артефактор, который быстро раскумекает — мусор перед ним али вещь! — со знанием дела кивает Фармо.

Он скрывается в бочке. Оттуда слышно шуршание, стук. Бочка качается. Наконец дед вылезает с двумя набитыми под завязку мешками. Один дает Баю.

— Давай, паря, впрягайся.

Бай молча протягивает руку за мешком.

— Погодите, — вмешиваюсь я. — Может, мы сначала обсудим, что конкретно вы будете делать на свалке и как я буду расплачиваться. Вдруг не сговоримся?

Дед ставит мешки на землю, смотрит на меня с таким снисхождением в глазах, будто перед ним несмышленная трехлетка.

— Девуля, — скрипит он, — тебе нужен артефактор, который будет шарить в мусоре и искать магические вещицы, а мне нужна крыша над головой, да чтоб покормили и к делу допустили. Приютишь старика?

— П-п-приючу, — киваю я.

— Вот и ладушки! — дед с уханьем поднимает мешок и дает его Баю. — Тащи, паря!

Мы в полном молчании возвращаемся на свалку. Вернее, молчим я и Бай, а дед всю дорогу распевает веселые песенки, внезапно перескакивая с одной на другую и перемешивая куплеты в безумный винегрет.

Дойдя до свалки, он останавливается и втягивает носом воздух с видом сладкоежки, которого запустили в кондитерскую.

Ощущение, что от старика принесет множество внезапных сюрпризов, не все из которых будут приятными, растет и крепнет.

15. Кадмон

— Кому вы продали амфору с этими ветрами? — передаю серебряную вазочку главе гильдии артефакторов Аресу Меркурио.

— А что такое? — он берет артефакт цепкими бледными пальцами, стреляет в меня быстрым полувзглядом серых глаз и отводит его. Меня всегда бесила эта его манера увиливать от зрительного контакта.

— Нарушение правил утилизации артефактов. Треснутую амфору просто выкинули на свалку.

— Ну... мы не отвечаем за то, как клиент пользуется нашей продукцией, — Меркурио не отрывает взгляда от вазочки, крутит её в белых руках. — Зато я знаю, кто сделал вазочку... Это работа бывшего нашего члена Фармо.

— Разве я спрашивал, кто сделал вазочку? — цежу я. — Я пришел к вам с другим вопросом. Я провожу расследование, а вы отказываетесь сотрудничать.

Меркурио снова смотрит мимо меня, облизывает тонкие невыразительные губы. Он похож на моль, такой же бледный, сухой и тихий. И такой же небезобидный.

— Мои люди установят, кто приобретал амфору ветров, и сообщат вам. Но раз уж вы заговорили о нарушении закона... Займитесь-ка стариком Фармо. Он лишён права продавать артефакты. Вам напомнить, какое наказание ждёт тех, кто работает без лицензии?

— Я изучу историю артефакта, — рычу я.

“Займитесь-ка!” — этот человечиска себе слишком много позволяет. Такое ощущение, что я у него на побегушках. Я уже предвкушаю, с каким удовольствием я поставлю этого червя на место! Но пока рано.

У меня нет желания объяснять ему, как у меня появилась эта вазочка. У меня нет желания тратить слова на это недоразумение, чудом оказавшееся во главе гильдии. Хотя у чуда есть имя. Это Брана Меркурио — жена сидящего напротив изнеженного недомужчины и дочь предыдущего главы гильдии артефакторов.

Встаю и понимаю, что пару слов все же придется потратить.

— И наведите, наконец, порядок в вашем квартале, — требую я. — У вас просто опасно ходить. Ночью ни одного факела, темень непроглядная. А после дождя грязь по колено. По пути сюда мне пришлось спасать кошку, которую чуть не засосало в грязь на обочине.

Меркурио щелкает языком в наигранной досаде:

— Опять артефакты разрядились... Если бы город выделил больше средств, мы бы смогли изготовить светящиеся камни с более длительным сроком эксплуатации... А что касается грязи... Так по городскому уставу мы отвечаем лишь за мусор. А грязь — не мусор, — и снова смотрит мимо меня.

Будь дело в другом городе, я бы на правах губернатора просто полыхнул огнем и рявкнул. Но я в Грюннендрахте.

Это единственный в империи город с самоуправлением. Пару сотен лет назад его жители оказали тогдашнему императору услугу и в качестве награды получили право на организацию городского совета, который и правит в городе и окрестностях. Губернатор тут фигура номинальная и реальной власти не имеет.

Я бы ни за что не согласился служить тут. Но по семейной традиции все драконы из нашего рода должны пройти крещение Грюннендрахтом. И кажется, теперь я понимаю, где мой отец приобрел такую стальную выдержку и самообладание.

Выхожу и пешком иду на свалку. Мне надо остыть, иначе я там что-нибудь сожгу. Или кого-нибудь. Кого-нибудь с черными кудрями и слишком напористым нравом. Кого-нибудь с тонкой шеей, колючим взглядом и нежными пухлыми губами. Кого-нибудь, слишком непред-

сказуемого, упорного, кто только и делает, что подбрасывает мне сюрпризы и загадки. Кого-нибудь по имени Кати Ракун.

Мысли о юной хозяйке свалки действительно успокаивают. На свалку я прихожу уже в добром расположении духа. И от увиденного замираю и даже присвистываю. Я снова удивлен.

Меня не было неделю. Я мотался в Драконарис по делам и лишь вчера вернулся.

Я ожидал, что на свалке за это время ничего не изменится. Что после взрыва тут будут царить уныние и отчаяние. Но тут кипит работа. Полигон снова расчерчен бечевками и колышками на сектора. На нескольких копошатся люди.

Я медленно прохожу мимо. Рассматриваю, что делают работники. Они разбирают мусор на несколько куч. В одной вижу доски, кирпичи, куски дверей и ставен. Всё — из чего можно строить. Во второй — всякая вонючая тухлятина. Пахнет почти как в квартале кожевников. А в третьей куче тряпье, посуда, металлические предметы и всякая всячина.

К ней подбегают дети с тачками. Они вытаскивают отсюда мусор и раскладывают по тележкам. Причем тоже с каким-то смыслом, которого я не могу уловить.

Пытаясь разобраться и найти объяснение, я останавливаюсь и наблюдаю. Дети совсем не обращают на меня внимания. Они полностью сосредоточены на этой мусорной куче и своих тачках.

Две девочки закидывают в свою ткань. Тачка быстро наполняется обрывками штор, уличных тентов, одежды, рванными игрушками. Мальчишки постарше выбирают и переносят в свою тачку железные подковы, гнутые блюда, кочерги, подсвечники, ржавые инструменты и прочий металлолом. В третью тачку идет глиняная посуда, плитка, керамика.

Дети убегают, на их место приходят другие с пустыми тачками. Они тоже выбирают из постепенно уменьшающейся кучи что-то одно.

Теперь мне становится понятно: они сортируют. Но зачем? Я понимаю — стройматериалы. Я понимаю — керамические осколки. Но что они будут делать с рванными тряпками? Зачем им гнутое ржавое железо?

— Господин Фламберг! — слышу за спиной звонкий голосок госпожи Ракун.

На душе сразу становится теплее. Наверное, потому что я надеюсь услышать от нее объяснения. Зачем ей этот хлам? Я оборачиваюсь и вижу ее. Запыхавшуюся, с румянцем на щеках и блеском в глазах, словно она бежала.

В том же платье, что и в прошлый раз. Вон оторван кусок от подола. Им она протирала раны пострадавшему от взрыва. От этого воспоминания в груди становится совсем горячо, потому что я не знаю ни одной леди, которая бросилась бы на помощь раненому бездомному. А эта — бросилась...

Волосы собраны в простую прическу, чтобы не мешать. Тонкая шея открыта. На руках толстые варежки из ткани. Неужели она тоже ковыряется в мусоре?

Почему-то вместо отвращения я испытываю совсем противоположное: уважение, восхищение и... пока не понимаю, что. Мне требуется пара мгновений, чтобы оторваться от рассматривания ее губ и тонкой шеи.

— Вижу, вы продолжили работы? — хрипло произношу я.

— Вы же сказали устранить нарушения, — улыбается госпожа Ракун. — Я не смогу их устранить, если буду сидеть сложа руки.

Если бы в Грюннендрахте все главы гильдий так думали, город процветал бы. Но пока он погружен в дразги и разборки. А тут, на кучах мусора, среди обездоленных, лишенных родины людей, я вижу нечто чуждое Грюннендрахту — единение.

— Вы разобрались с угрозой артефактов? — выдавливаю я.

— Да, — щебечет девчонка и прямо светится, когда начинает говорить. — Как вы могли заметить, мы разбили свалку на участки. Сначала их обследует человек, который умеет нахо-

дить артефакты. Потом понимающая в алхимии целительница. И только когда они дают добро, мы приступаем к сортировке.

— Покажите мне весь процесс, — коротко требую я и в один шаг оказываюсь рядом с девчонкой. Беру ее под локоть и выжидающе заглядываю в карие, почти черные глаза.

Она испуганно дергается, но поняв, что сбежать не получится, краснеет. Осматривает платье, снимает перчатки и затыкает за пояс. Старается отодвинуться.

— Вы можете испачкаться, — бормочет она смущенно.

— К драконам грязь не прилипает, — отвечаю я и требовательно тяну ее... куда-нибудь.

— Хорошо, — вздыхает она. — Только нам в другую сторону.

Мы направляемся в сторону ее домика. Я смотрю по сторонам, на кучи мусора, под ноги. И мне внезапно приходит в голову мысль, которая может принести пользу Грюннендрахту и немного улучшить благосостояние госпожи Ракун.

16

Господин Фламберг держит крепко. Не сбежишь. Да и не хочется. Хотя сердце скачет, будто заяц. А еще эти щеки! Они безбожно горят. Наверное, от смущения.

Мне стыдно предстать перед ним в таком виде — в грязном рваном платье, с рабочими варежками, сшитыми из того, что нашли тут же, на свалке. С простой прической. Я перебирала мусор, когда ко мне прибежал Вуди и доложил, что на свалку прибыла инспекция.

Я веду Фламберга по дорожке, которую мы утрамбовали и посыпали битыми осколками керамики. Теперь все дорожки и площадки на свалке такие.

Показываю, как мы разбили полигон на участки, навесы для мусора, который не стоит мочить.

Веду к лагерю беженцев, который превратился в стройплощадку.

Тут тоже все расчерчено. Обозначена улица, для нескольких домов уже вырыты небольшие углубления под фундамент. У каждого дома будет участок земли под обработку.

Бай, оказывается, на родине занимался строительством. И его опыт и любовь к профессии приводят к поразительным результатам. Он уже возвел в разных концах свалки хранилище для артефактов и лабораторию для Долорес, которая не только целитель, но и алхимик-недочка.

Это полуземлянки, стены из деревянных щитов и насыпанной между ними земли и камней. Выглядят небогато, но зато справляется с задачей защищать артефакты и зелья от непогоды, а нас — от артефактов и зелий.

Фламберг, кажется, искренне заинтересован моими стараниями. По крайней мере, он внимательно слушает, иногда задает уточняющие вопросы. Я сама не замечаю, как начинаю говорить с жаром, когда рассказываю о том, как мы будем перерабатывать мусор.

— Но сначала, конечно, мы обеспечим необходимым беженцев. И только потом перейдем к продаже переработанных материалов, — заканчиваю я.

В этот момент мы стоим у моего домика. Фламберг так и держит меня под локоть. Мне немного грустно, что экскурсия закончена.

Но губернатор не спешит покидать свалку. Он стоит в задумчивости и через примерно полминуты говорит:

— Насчет продажи... У меня, то есть у города, есть заказ.

Я ушам своим не верю. Это же чудесно! Я резко поворачиваюсь к нему лицом и заглядываю в глаза и выпаливаю:

— Я слушаю!

Фламберг открывает рот, но в этот момент из окна моего домишки доносится скрипучий голос Фармо:

— Девуля! Чё ты кавалера на улице держишь? Али меня стесняешься? Давай заводи его, чайком угостим, бараночками попотчует. Лола тут напекла всякого...

Лола — это он так Долорес называет. Ее я тоже приютила. Мы с ней делим спальню. Деду отдала кабинет с условием, что ни одного артефакта со свалки под крышей этого дома не появится.

Долорес оккупировала кухню. Она вывалила на стол спасенные из пожара войны учебники по алхимии и с упоением штудировает их. С ней тоже пришлось провести беседу о том, что никаких зелий она в дом не тащит.

Но что-то мне подсказывает, что мои постояльцы успели сговориться и прикрывают друг друга, когда меня обуревают сомнения насчет наличия в доме артефактов и зелий. Слишком красноречиво эти двое перемигиваются.

— Вы завели себе нового старичка? — вскидывает бровь Фламберг.

Он спрашивает вроде бы в шутку, но с учетом того, что я одного старичка якобы отравила, а второго уволила с очень крупным штрафом, мои отношения с этой категорией человечества складываются странным образом.

— Скорее головную боль... — тихо выдыхаю я.

— А я всё слышу! — из окна высовывается голова-одуванчик. — Ты, паря, не ревнуй! — сверкает веселыми глазами на Фламберга дед. — Я тут временное явление. Когда девушка мне нормальную лабораторию построит, я в нее жить уйду.

— Лабораторию? — переспрашивает губернатор и многозначительно смотрит на меня.

— Да... Есть тут одна идея по поводу артефактов... — бормочу я.

Тут из окна высовывается голова Долорес. Девушка откидывает за спину толстую белую косу и светло улыбается. Она уже совсем очухалась и в тепле моего домика расцвела, как чайная роза.

— Господин губернатор! — радостно щебечет она. — Проходите, мы вам всё расскажем! Мы с господином Фармо столько всего планируем!

— Спасибо за приглашение, — кланяется Фламберг. — Не откажусь.

Он отпускает мой локоть и тут же хватает мою ладонь. От прикосновения Фламберга по всему телу расходится горячая волна. Она поднимается от живота к груди и заливает щеки.

Губернатор по-хозяйски ведет меня в мой же домик. Галантно открывает передо мной дверь и только после этого отпускает руку. Сегодня он предстает передо мной в новом облиции. Я думала, он только рычать и угрожать умеет, а он, оказывается, джентльмен. Иногда.

Фламберг провожает меня насмешливым взглядом и проходит следом. Идем на кухню. Долорес освободила стол от книг и хлопочет, расставляя тарелки и угощения, на печной плите стоит кофейник, заполняющий крохотный домишко приятным бодрящим ароматом.

Фламберга сажают во главе стола и ставят перед ним тарелку с золотым драконом и чашку с красным. Они явно из дорогих сервизов. Только из разных. Почему-то никто не выкидывает на свалку нетронутый сервиз на двадцать персон целиком.

Передо мной тарелка с желтым цыпленком, перед дедом глубокая миска с синей каймой, себе Долорес взяла блюдо с вишенкой. Я пополнила свои запасы посуды. Теперь у меня больше двадцати предметов. И все из разных наборов.

В центре стола исходят запахом ванили свежие баранки от Долорес, пахнет острым запахом вареных яиц и сладкого лука капустный пирог от меня.

Фламберг внимательно выслушивает наполеоновские планы моих домочадцев. тут и выкачка заклятий из артефактов, и анализатор зелий... Время летит незаметно, небо в окошке начинает розоветь, а эти двое всё разливаются сладкоголосыми соловьями.

— Вы же понимаете, — весомо говорит Фламберг, когда Фармо и Долорес наконец замолкают, — что вы не имеете права продавать ни эти зелья, ни найденные артефакты?

Долорес хмурится.

— Почему?

— Гильдии, чтоб их курицы склевали! — сердито трясет бородой Фармо. — Если ты не в гильдии, то ниче продать не могёшь...

Долорес задумывается и замолкает. Для нее такой поворот неожиданный. Она еще совсем юна, и вопросы бизнеса для нее темный лес. Дед тоже замолкает, но только потому что откусил слишком большой кусок пирога и теперь усиленно его жует.

Кстати, насчет бизнеса.

— Господин Фламберг, — напоминаю я. — Вы говорили, что у города будет заказ.

— Будет. Мы у вас возьмем весь керамический бой для посыпки дороги. Нам нужно три воза. И потом еще. По двадцать золотых за воз. Однако есть одно жирное но, — губернатор хмурит брови и невесело усмехается, — о котором только что напомнил господин Фармо.

17

Я пытаюсь разложить в своей голове, какое отношение артефакторика и алхимия имеют к битым горшкам. Но Фармо уже всё понял.

— А-а-а... — тянет он. — Гильдии... Чтобы их собака пометила.

— Город не может делать большой заказ по благоустройству не у гильдии, — кивает Фламберг.

— Это бред какой-то... — растерянно бормочу я.

— К сожалению, не бред, — грустно улыбается губернатор. — Вернее, бред полный, но имеет статус местного закона. Как только вы объединились в группу численностью более десяти человек, вы попали под область законодательства, регулирующую профессиональные объединения.

В голове теперь красным пылает лишь один вопрос. Его я и озвучиваю:

— Как же быть?

— Как всегда в таких случаях, — разъясняет Фламберг. — Искать обходные пути. И в этот раз вам повезло: мне нужны черепки — вам нужны деньги. Так что, можно сказать, обходная дорога у нас одна.

Я вопросительно смотрю на губернатора.

— Благотворительность, — рокошет он. — Ваша свалка дарит городу черепки, а город раз в квартал может сделать крупное пожертвование. И в этот раз оно достанется беженцам. Но постоянно использовать этот вариант мы не сможем. Так что надо будет найти иной путь.

Иной путь... Иной путь... А зачем искать иной путь, когда есть основной?

— Господин Фламберг, — вдруг выпаливаю я. — А что надо сделать, чтобы зарегистрировать гильдию?

За столом повисает тишина. Молчание длится с полминуты. И вдруг дед выдает:

— А в голове у деvuли не хлебушек, однако!

Долорес от радости хлопает в ладоши.

Я умоляюще смотрю на Фламберга. Он, кажется, немного подвисает. Потом стряхивает оцепенение и задумчиво произносит:

— Идея интересная... Надо изучить вопрос. Думаю, в библиотеке ратуши найдутся необходимые документы...

— Только если вас это не сильно затруднит... — смущаюсь я.

— Затруднит? — Фламберг задирает брови и от души смеется. Свободно. Раскатисто. И мне тоже хочется смеяться с ним. Без причины. Просто так.

Успокоившись, губернатор с улыбкой говорит:

— Да это же прекрасная возможность всколыхнуть гильдии! У меня давно руки чешутся им... — он замолкает на мгновение, бросает на меня и Долорес взгляд и пытается подобрать приличные в дамском обществе слова.

— Соли на хвост насыпать! — заканчивает Фармо и заговорщицки хихикает.

Фламберг улыбается, еще раз обводит взглядом крохотную кухню, втягивает носом ароматы выпечки и медленно поднимается. Мне кажется, но в его взгляде на миг вспыхивает тоска.

— Спасибо за угощения и экскурсию, — он слегка кланяется. — Но мне пора.

Через неделю мы отправляем в город несколько возов с черепками. Как раз вовремя. Стоит Фламбергу утрамбовать улицы — начинаются проливные дожди. Вода ручьями стекает с мусорных куч.

Несмотря на непогоду, мы работаем. Чтобы вода не сливалась в реку, мы вырыли отводные канавы. Пахнувшая острым запахом гниения вода стекает в компостные ямы, принося с собой остатки разлагаемого мусора. Скоро ямы переполнятся и надо будет срочно искать решение. У меня оно есть. Средней паршивости. Для лучшего решения нужна помощь Фламберга.

Беженцы постепенно отстраиваются и обрастают вещами. Я разрешаю им забирать со свалки всё, что покажется им полезным. Удивительно, но люди порой выкидывают совершенно новые вещи!

Среди беженцев люди разных профессий. Гончары, кузнецы, сапожники, портные... Вот теперь их навыки приносят пользу. После работы на полигоне, они берутся за починку найденных вещей. Даже оборудуют себе собранные из хлама мастерские во двориках.

Это, конечно, не современные обставленные ремесленные центры, но даже этого у них не было две недели назад.

Вечером возвращаюсь из деревни беженцев. Кутаюсь в подаренный одной из портних плащ. Он изумрудно-зеленый. В прошлом принадлежал какому-то дворянину, но теперь его перешили под меня. А из остатков наделали платьиц для кукол.

Вокруг никого. Дождь стучит по кучам. Мы сделали дорожки с уклоном от центра, чтобы вода стекала на обочины. Там она вливается в общий поток отводных канав. Зато луж нет и ноги сухие. Мысленно радуюсь тому, как вовремя мы всё утрамбовали и заодно решили проблему вечной грязи в Грюннендрахте.

Фламберг не стал делать тайну из того, откуда черепки. И к нам периодически обращаются местные помещики. К счастью, они в отличие от города могут вести с нами дела. И мы активно этим пользуемся. У нас появляются небольшие сбережения.

Сейчас наша цель — снарядить лабораторию для Долорес. На помойке мы нашли много полезного для алхимических опытов. Реторты, склянки, горелки, остатки зелий и порошков.

Долорес успешно экспериментирует с тем, что имеет, чтобы найти обеззараживающее средство для воды. Но этого все равно мало. Перегонный куб в нетронутom виде на помойку никто почему-то не выбрасывает.

От Фламберга со времени той инспекции с чаем и баранками вестей не было. Меня это не должно заботить, но почему-то немного обидно. Не проходит и дня, чтобы я не возвращалась в памяти к его раскатистому задорному смеху.

Отгоняю от себя непрошенные мысли о заносчивом губернаторе и продолжаю путь. Вечернее небо полностью закрыто тучами, вокруг темно. Шорох дождя заглушает все звуки.

Поэтому я не сразу обращаю внимание на подозрительные шлепки по воде, шорох и сопение.

Когда я останавливаюсь и вижу окружающую меня собачью стаю, уже поздно что-либо предпринимать. Тощие, всклокоченные, со слипшейся шерстью и голодными глазами, они обходят меня. Тихо. В полнейшем молчании.

Этого я не учла.

Это моя ошибка.

Раньше беспризорные псы питались отбросами, которых на свалке было вдоволь. Теперь мы сливаем биоразлагаемый мусор в компостные ямы. И собакам стало нечего есть.

И в них проснулся охотничий инстинкт.

А добыча тут одна. В ярко-зеленой нарядной обертке... Ни дать ни взять конфета “Белочка” — с мясной начинкой!

Определяю взглядом вожака — крупного коричневого пса с желтыми глазами — и поворачиваюсь к нему лицом. Я знаю, что нельзя делать резких движений, что нельзя смотреть в глаза и демонстрировать враждебность, я знаю, что нельзя убегать, показывать спину. Но тварюга наступает. Тихо, мягко, почти беззвучно.

Нервы сдают. Словно в голове рвется гитарная струна.

Я резко разворачиваюсь и пускаюсь бегом к своему домику. Я должна успеть.

Однако удача сегодня на стороне кого-то другого, но точно не на моей. Потому что не пробежав и пяти шагов, я спотыкаюсь и ласточкой ныряю на дорожку. Приземляюсь животом, грудью — всем телом. Удар выбивает из легких воздух. Больно до мушек в глазах.

Но сейчас будет еще больнее, потому что я слышу собачье рычание над самым ухом.

18

Меня ошалело дергают за плащ, рвут, с рычанием тянут. Всё это сопровождается сопением, урчанием, лаем... Подтягиваю к груди ноги, сворачиваюсь калачиком и накрываю голову руками, выставив локти по бокам от шеи.

Вздрагиваю от страха при каждом рывке и жалобном треске ткани. Эти твари вот-вот расправятся с плащом и доберутся до платья... А потом и до самой меня.

Вдруг над головой раздается низкое утробное гудение, как от турбин самолета, я не сразу понимаю, что это рык. Затем надо мной ураганом проносится что-то массивное, горячее, обжигающее даже через плащ.

Слышу за спиной жалобный скулеж, он быстро удаляется.

Мне становится дурно. Что ещё за тварь свалилась на мою помойку? Кто-то выкинул щеночка, и он налакался мутагенов?

— Вы в порядке? — раздается за спиной обеспокоенный голос Фламберга.

Меня поднимают и осторожно ставят на ноги.

Я испытываю такое облегчение, что аж голова идет кругом. Страх покидает тело и выходит крупной дрожью, которая скоро угасает. Это не пес-мутант, а нормальный человеческий дракон.

— Вы, как всегда, вовремя, — поднимаю взгляд на Фламберга и любуюсь мужественными чертами.

Нет никакой возможности справиться с дурацким лицом, оно так и норовит расплзтись в счастливой улыбке.

— Вообще-то я планировал просто передать вам плату за черепки, то есть благотворительную помощь от города, но придется проводить вас до дома. А то по пути ещё найдете приключения, несовместимые с жизнью, — с притворной досадой вздыхает Фламберг, в глазах его пляшут насмешливые искорки.

Он берет меня под руку, словно у нас намечается легкая прогулка по парижским улочкам, и мы скользим над дорогой к моему жилищу. Дождь идет мимо нас, капли старательно падают куда угодно, только не на нашу одежду.

Когда мы заходим в домишко, там никого нет. Долорес осталась в деревне. Несколько человек подхватили кишечную инфекцию, и она пытается по мере своих сил помочь беднякам.

Сытая жизнь, теплая постель и отсутствие нервирующих факторов в виде кошмарящего ее Бая явно пошли девочке на пользу. Ее талант расцветает, набирает силу. Долорес лучше расходует энергию и правильнее распределяет ее потоки.

Но от преследования тяжелого взгляда предводителя беженцев девочку это не спасает.

Фармо сегодня остался в своем сарайчике, который он гордо называет лабораторией. Надеюсь, ни один из моих домочадцев не столкнется со стаей голодных собак.

Пройдя в домишко, Фламберг по-хозяйски щелкает пальцами, и в печке загорается веселое пламя. В кухне сразу становится теплее и уютнее. Там, где я стою, на полу натекла грязная лужа. Мне холодно и мокро. Плащ висит на плечах бесформенной грязной тряпкой.

Фламберг заходит мне за спину и с совершенно невозмутимым видом снимает его с меня, встряхивает и вешает на стул. Я лишь вздыхаю, догадываясь, какое печальное зрелище представляет мой попавший на зуб псам плащ. Наверняка собаки порвали его, как Тузик грелку.

Но оборачиваюсь и с удивлением вижу, что плащ сухой и чистый. И, что главное, — целый! Вот она — драконья магия в мелочах.

Мне почти сразу становится тепло. А в районе ушей и щек — горячо.

Губернатор извлекает из кармана увесистый кошель и кладет его мне в ладони. Кошель приятно оттягивает руки и звенит особым глуховатым звуком — голосом золотых монет.

— Благотворительность, — поясняет он.

— Спасибо, — киваю я.

Направляюсь к стоящему в углу неприметному сейфу. Чего только ни найдешь на свалке! Ребята Бая подшаманили, заменили петли на дверце, добавили замок, тоже найденный на просторах мусорного полигона. Водрузили его на ножки от тумбочки — и вуаля. Теперь у меня есть похожее на бульдога с цыплячьими лапками место для хранения моих сокровищ.

А главное, глянув на такое уродство, никто и не подумает, что там могут храниться настоящие ценности: немалые суммы и важные документы.

Открываю сейф, кладу туда мешочек с монетами, прямо на связку писем Прочиона и господина Агни. В углу скрученное в свиток разрешение на свалку. Заперев дверцу, прячу ключ в карман.

Подхожу к Фламбергу. Так хочется положить ему ладонь на могучее плечо. Но я удерживаю порыв.

— Спасибо вам за всё... — слегка волнуясь, говорю я. Немного медлю, но потом перехожу к тому, что занимает меня больше всего: — Удалось что-то выяснить по регистрации гильдии?

Дракон не торопится с ответом. И вдруг... отводит глаза... Это отзывается неприятным уколом в груди. Но, возможно, мне показалось?

— Нет, — отвечает он, всё так же глядя куда-то мимо меня. — Это древние бумаги, старинные правила... Там всё сложно. Но я ищу.

Говорит непривычно быстро, что совсем не свойственно Фламбергу, насколько я могла его узнать. Мозг пронзает неприятная догадка: он лукавит, увиливает от ответа. Но почему? Не хочет помочь? Или... Всё настолько плохо?..

В душе борются обида и желание хорошенько встряхнуть дракона. Разве он не понимает, насколько это важно? У гильдий совсем иные права! Фармо просветил меня по этому вопросу.

Гильдия — это безопасность, это торговые сделки с городом, это разрешение на получение постоянного места на базаре, это совершенно иные налоги, в конце концов. Если я сейчас захочу торговать на базаре тем, что мы нашли, то почти половину выручки отдам на выходе смотрителям рынка.

А еще это — место в совете города и возможность донести полную информацию о проблемах свалки до тех, кто руководит Грюннендрахтом.

Даже проложить отводные трубы вдоль реки и выпустить их ниже по течению, чтобы стоки со свалки не попадали в городскую воду — я не могу без одобрения города. А я его не получу, пока не объясню важность такого решения.

Отчаяние, злость и боль разрывают изнутри. Но я заставляю себя успокоиться, начинаю мягко:

— Вы же понимаете, насколько это важно?

— Безусловно, — глухим эхом отзывается Фламберг и сжимает губы. Обводит взглядом кухню. Смотрит куда угодно, но не мне в глаза.

— Может быть, — снова пытаюсь я, — вы хотя бы подскажите, в каком направ...

— Я же сказал, что ничего не знаю, — отрезает он и резко поворачивается к столу, заваленному моими расчетами, схемами и разным хламом. — Хм... А это что?

19

Фламберг берет развязанный мешочек, в который насыпаны камни, промытый песок и мелкий уголь.

— Это прототип фильтра, — отвечаю, подходя к столу.

— Зачем? — губернатор кладет мешочек на место. В глаза всё так же не смотрит.

— Такой фильтр можно поместить в горлышко бутылки и очистить воду для питья, — принимаюсь объяснять я. Вот он — шанс достучаться. — Из-за проливных дождей вода в реке поднялась. В верховьях расположены фермы, болота, кладбища, деревни... И вздутая река несет оттуда много всякого.

— Точно так же, как и с вашей свалки... — замечает Фламберг.

— Сейчас с нашей свалки ничего в реку не попадает, — возражаю я. — Мы провели большую работу, чтобы предотвратить это. Возможно, вы видели канавы вдоль дорожек, стоки от мусорных куч. Мы проложили целую систему ливневок! Теперь вся вода со свалки стекает в специальные ямы.

— Которые тоже скоро переполнятся, — замечает губернатор.

— Именно на такой случай я и разрабатываю фильтры, — я беру со стола кусок широкой трубы и металлическую сетку и протягиваю их губернатору. — Смотрите! В трубу, которая будет отводить воду, помещаются такие сетки, между которыми засыпаются песок, уголь, камни, обеззараживающий реагент, его мы сейчас с Долорес ищем. Но сгодится и серебро. Правда, его у нас нет. Но если бы мы были гильдией...

— Не бывать вам гильдией, — обрывает меня Фламберг. Цедит сквозь зубы. И больше не отводит взгляда. Смотрит с гневом. Но в золотых искрах я распознаю растерянность и досаду.

Цепляюсь за них, как скалолаз за невидимые выступы в отвесной стене. С надеждой.

— Так вы все же что-то выяснили?! Господин Фламберг! Пожалуйста, расскажите, что нам надо сделать... — я хватаю его за рукав, словно смогу этим повернуть колесо удачи в свою сторону.

— Кати, — он снимает мои ладони со своего камзола, говорит тяжело, словно роняет валуны на только-только зарождающийся родник, — забудьте об этой идее. Гильдия мусорщиков... Совет никогда в жизни не пропустит такой проект! Вам придется искать иные пути. Обходные.

— Снова обходные? — вырывается у меня с горьким смехом. — Когда есть прямая дорога? Вы же обещали мне разузнать, вы же...

— Я и разузнал, — обрывает он. — Но я не обещал рассказывать вам, как воплотить в жизнь эту безумную идею.

— Безумную идею? — меня начинает потряхивать от отчаяния и злости. Какой же он твердолобый! — Не более безумную, чем то, что я сейчас делаю! Построить жилье из мусора? Получилось! Сделать из мусора источник дохода — получилось!

— А сделать из сброды гильдию — не выйдет, — ледяным тоном отрезает Фламберг, пытается загасить мой запал.

Но он только что плеснул бензина в топку моего негодования. Меня взрывает. Я сжимаю кулаки, постепенно повышаю голос. Не замечаю сама, как начинаю кричать. В глазах жгутся злые слезы.

— Да как же вы не понимаете? Это же действительно важно! И необходимо! Без этого не разрешить те проблемы, которые накопились на свалке за века. Это нужно не только мне, но и тем, кого вы называли сбродом! А еще это нужно вашему городу! Если вы его так любите, как пытаетесь показать. Я ждала от вас реальной помощи! Настоящей! А вы... Вы...

— То есть то, что я до этого делал, помощью не считается? — с кривой улыбкой спрашивает Фламберг, тон такой, что солнце покроется коркой льда, если услышит его. — Не вывел на чистую воду, простите за каламбур, зрителя, не нашел вам жирный заказ, не ловил по всей вашей помойке духов ветра, не спас вас только что от своры бездомных собак?..

Золотые искорки в глазах Фламберга превращаются в злые огоньки, которые прожигают насквозь. Я физически ощущаю, как невидимая ниточка, которая связала нас во время уютного чаепития, натягивается и вот-вот порвется. Как между нами вырастает пропасть размером с Гранд-каньон.

Катя, пора остановиться...

Но я не могу. Я так устала сдерживать это отчаяние, быть всё время на позитиве, убеждать других, что всё у нас получится. Всё... Лопнули вожжи. Меня подхватила река ярости, красные воды которой несут прямо на скалы.

— Я благодарна вам за помощь, — шиплю я. — Но этого мало! Неужели вы не можете нажать на какие-то рычаги? Продать решение? Вы же губернатор!

— Так вот какая тебе на самом деле помощь нужна? — цедит Фламберг и смотрит на меня с таким презрением, какого я даже в глазах породистых кошек не видела. — Хочешь использовать меня? Воспользоваться моим влиянием, положением...

— Что за бред?! Нет, конечно... — возражаю, но уже понимаю, что наговорила лишнего, что, вероятно, так моя вспышка и смотрится со стороны: дамочка бесится, когда выходит не по ее...

Но ведь всё совсем не так...

А Фламберг продолжает:

— Да кто ты такая, Катя, чтобы я ради тебя шел против Совета Города? — его беспощадные слова разъедают, как кислота. — Чтобы я нарушал закон? Я сделал для тебя что мог. Но тебе мало? — он безрадостно смеется. — Вот так ты решаешь дела? Чужими руками? Кривыми путями? Так, может, то что про тебя думают — правда?

Я в оцепенении слушаю его слова, которые прожигают дыру в груди. С мольбой смотрю в его горящие глаза. Остановись! Пожалуйста!

Но он, как и я, уже не может контролировать свои слова. Или не хочет. Кажется, я разбудила дракона...

— Может, ты действительно убила мужа? Не сама, нет... А вот так — чужими руками...

Его прерывает громкий звук хлопка. Наступает звенящая тишина, в которой весело потрескивает огонь в печурке. Фламберг стоит, прижав руку к щеке, и с удивлением смотрит на меня. Я с не меньшим изумлением смотрю на покрасневшую от удара правую ладонь, которой только что отвесила Фламбергу пощечину.

Он молча разворачивается и покидает кухню, хлопнув дверью так, что домишко сотрясается от крыши до фундамента.

А я понимаю, что мы оба правы. И оба не правы.

И что ниточка лопнула, а с ней — лопнуло что-то в моем сердце.

20. Кадмон

Накануне

На дворе уже давно ночь, а я все ищу. Свеча или люмосфера мне не нужна: драконье зрение позволяет прекрасно видеть в темноте. Да и архивариус меньше будет волноваться. Он печется о вверенных ему документах и до обморока боится пожара. Или светового повреждения старых ломких свитков.

Я сижу на полу в позе далеких кочевников. Над головой своды городского архива. Меня окружают заваленные древними документами полки до потолка. Тут прохладно. Но я не человек, и меня это мало беспокоит.

Справа от меня гора пересмотренных документов. Холодный лунный свет из небольшого зарешеченного окна тпцует на скрученном пергаменте и кожаных переплетов. Весь день шел дождь, а ночью вдруг прояснилось...

“Еще одну — и закончу”, — обещаю себе. Уже в пятидесятый раз.

Слева последняя книга. Это, скорее, папка. Бумаги сложены и закреплены обложкой без переплета. Уже ни на что не надеюсь и прикидывая в уме, где бы еще поискать, открываю папку.

И сразу понимаю: это оно! То, что я искал.

Бумаги опасно хрустят в моих грубых пальцах. Им все-таки полтысячи лет! Я стараюсь работать с ними максимально аккуратно, даже не дышать на них.

Через полчаса я знаю, какие условия требуется выполнить для регистрации новой гильдии.

И если с количеством членов, уставом и казной гильдии вопросов не должно возникнуть, то следующие условия кажутся фантастическими.

Для начала, создание гильдии должны инициировать простые граждане — горожане. Но это не самое сложное. Ее создание должны поддержать ВСЕ члены городского совета. А вот это уже маловероятно.

Я оставляю папку на столе архивариуса и пишу записку с требованием сделать копию. Затем собираю все разбросанные мною бумаги и расставляю по местам.

Когда я возвращаюсь в семейный особняк, вся прислуга уже спит. Но меня ждет сюрприз.

В холле на вешалке замечаю знакомый черный плащ с опушкой из медведя. А еще улавливаю запах... Дубовой коры и власти. Так-так, советник императора собственной персоной? Интересно, когда он прибыл?

Иду туда, где больше всего ожидаю его увидеть. Так и есть. Развалился в кресле у камина и вытянул к огню ноги. Всё-таки возраст никого не щадит, даже драконов.

Рядом с ним еще одно кресло, видимо, для меня. Между креслами — столик с бутылкой виски и стакан.

Стоит мне сделать пару шагов в комнату, как Тальгринар Родар Фламберг выглядывает из кресла:

— Здравствуй, Кадмон, — глубоким раскатистым голосом приветствует он.

— Здравствуй, отец, — слегка наклоняю голову я.

— Садись, поговорим, — он погружается обратно в кресло, и я вижу только его руку со стаканом, которой он указывает на кресло для меня.

Сажусь и беру протянутый отцом стакан.

Отец несколько не изменился. Он всё так же самый могучий после императора дракон в Эльдратории. Его мощь скрывается за ленивыми движениями, за тихим голосом и пронзительным взглядом.

Он уже седой. И это не самая большая плата за власть.

— Как поживает мой любимый Грюннедрахт? — тихо спрашивает Тальгринар.

— Как обычно: козни, дразги, коррупция, — отвечаю меланхолично и опрокидываю стакан в себя.

— А что ты делал в архиве в такой поздний час? — от отца ничего не укроется.

— Искал информацию по гильдиям.

— Иногда мне кажется, что местные гильдии — это и благословение, и проклятие Грюннедрахта одновременно, — грустно усмехается отец.

— Иногда мне кажется, что стоит уже забыть о древней привилегии, — в сердцах отвечаю я, — и разогнать совет.

Тальгринар откидывается и смеется, беззлобно, будто я пятилетний мальчишка, сморозивший глупость.

— Тогда ты ничему не научишься... Только жечь и пугать слабых людей. А большая политика — это тонкий лед, — в который раз объясняет он мне. — Если хочешь подняться выше, только Грюннедрахт даст тебе необходимую подготовку.

— Можно подумать, что этот город существует в таком виде только для того, чтобы Фламберги учились управлять, — хмыкаю я и наливаю себе еще.

— Не только. Люди должны иметь перед глазами пример того, что будет, если слишком много власти окажется в их руках. Если бы Грюннедрахт не был таким явным примером того, что делает самоуправление, в Эльдратории было бы еще много Грюннедрахтов.

Этого я не знал. Но звучит очень логично.

— А что ты искал по гильдиям? — спрашивает отец.

— Есть мысль создать гильдию мусорщиков, чтобы наконец разобраться со свалкой. Ее хозяйка фонтанирует неожиданными идеями, которые вполне могут быть полезными...

— А-а-а... Попаданка? — отец кидает на меня заинтересованный взгляд и отпивает из стакана. — Про которую ты просил навести справки?

Киваю.

— Да... Попаданки всегда фонтанируют какими-то дикими идеями, — хмыкает отец. — То им равные права подавай, то разрешай женщинам учиться... Но я признаю, что запаха от свалки как-будто... меньше...

— Кати взялась за дело серьезно... Помнишь беженцев? Вот теперь они работают на нее, а она разрешила им поселиться на территории свалки...

Дальше я с неожиданным для себя оживлением пересказываю всё, что девчонка устроила на своей помойке. Она и не догадывается, что я слежу за каждым ее шагом и о каждом ее озарении мне немедленно докладывают.

Отец внимательно слушает, глядя в камин и иногда кивая. Когда я заканчиваю тем, что с помощью девчонки решил проблему грязного месива под ногами на улицах, он переводит на меня очень внимательный взгляд.

— Кадмон, если эта девочка тебе дорога, а судя по тому, что ты называешь ее по имени, это так, — неожиданно тихо и проникновенно произносит старый дракон, — ты не позволишь ей влезть в авантюру с гильдиями.

21. Кадмон

Я с непониманием смотрю в глаза отца, стакан с виски застыл на полпути к моему лицу. Отец шутит? У меня появилась возможность как-то изменить жизнь города. Такого давно никто из Фламбергов не делал! А он мне сейчас говорит, что нельзя...

— Почему? — в моем голосе растерянность. Больше ни одно живое существо в Эльдра-тори не может увидеть меня растерянным, только он — тот, кому я безоговорочно доверяю.

Отец делается мрачнее тучи, он откидывается на спинку кресла и начинает рассказывать:

— Давно-давно, когда я еще не был знаком с твоей матерью и был очередным губернатором Грюннендрахта, у меня тут появился друг. Он был совсем не таким, как мое окружение... Легкий, веселый, болтливый, он мог скрасить самые мрачные дни. Он красиво пел и умел забавлять публику. Он писал прекрасные поэмы, и их ставили на площади. Он был мечтатель и идеалист.

— Это случайно не Эльдрин? — тихо спрашиваю я.

— Случайно он, — вздыхает отец.

А я в толк не возьму. Какое отношение легендарный бард, который пропал почти век назад, имеет к нашему разговору? Но я слушаю. Мой отец никогда ничего просто так не говорит.

— Всё у Эльдрина было хорошо, — продолжает отец, — пока он не захотел создать гильдию артистов. В принципе, народ был не против. Это позволило бы построить постоянный театр, создать труппу, приглашать актеров на праздники... Но ты же помнишь, что глава гильдии имеет право на место в городском совете?

Я киваю. Ощущаю легкий озноб, потому что в таком ключе история Эльдрина приобретает страшные черты.

— Запомни, сын, никто никогда не поделится с тобой даже крохотным кусочком власти... — в голосе отца затаенная боль. — На Эльдрина и его семью начались покушения. Дошло до того, что я поселил его с женой и ребенком в этом доме и приставил к ним охрану. Я приказывал, просил, умолял его отказаться от мысли создать гильдию. Но поэты... Они такие оторванные от мира... Короче, закончилось всё тем, что двоюродная сестра его жены выманила ту с племянником к себе...

Я улавливаю, как в голосе отца проявляются злые ноты.

— Там их взяли в заложники и пообещали вернуть, если Эльдрин покинет мой дом и придет один, без охраны, на встречу. В тот момент меня не было в Грюннендрахте, и я не мог его остановить. О том, что происходило, я услышал потом от наших слуг. Когда было уже поздно... Ты догадываешься, чем всё закончилось?

— Я знаю, что Эльдрин пропал. По слухам, отправился в страну фей к их королеве на праздник и остался там навсегда...

— Страна фей... — рычит отец. — Я нашел их... Всех троих, даже маленького сына... В снежных горах привязанными к скале. Эльдрина заставили смотреть, как замерзают насмерть его ребенок и жена...

Отец залпом выпивает стакан виски и поворачивается ко мне.

— Эта история научила меня двум вещам, Кадмон. Во-первых, не привязываться. А если привязался — беречь. Как я берегу все эти годы твою маму и вас, пока вы не станете взрослыми. Во-вторых, действовать хитро, незаметно, по-змеиному. Ты же не думаешь, что я оставил убийц Эльдрина безнаказанными?

Его глаза вспыхивают кровожадными огоньками. Таким я отца прежде не видел. Он казался мне всегда примером спокойствия, мудрости и справедливости.

— Я научился плести интриги, делать вид, что играю по чужим правилам, а на самом деле втихую переписывать их... И через несколько лет все, кто был причастен к убийству моего друга, постепенно оказались уничтожены. Именно эта потеря научила меня ходить по тонкому льду политики и сделала тем, кто я есть.

Я молчу. Мне совсем не хочется, чтобы смелого Бая, диковатого Фармо, трепетную Долорес и, конечно же, ее — Кати Ракур постигла подобная участь. В мое драконье сердце, не знавшее ранее привязанностей, начинает проникать холод...

— Если твоя девочка не остановится, — тихо, медленно, чеканя каждое слово, произносит отец, — ее не спасет ничто. Ни жалкая кучка преданных ей людишек, ни ты. Мы ничто по сравнению с тем, как все тут повязаны между собой кровью и деньгами. Это и есть суть Грюннендрахта. Тут ничего не изменить.

Утром отец возвращается в столицу. Он оставляет мне папку с документами о Кати Ракур, которые собирал по моей просьбе. Я провожаю его до площади перед ратушей.

Мы идем по улице. Нас сверху нещадно поливает дождь, только нам, драконам, это не страшно. Отец одобрительно кивает, обратив внимание на изменения в городе. На отсутствие привычного хлюпанья и чавканья под копытами лошадей, на чистые подолы горожанок.

За пару минут до того, как начать перевоплощаться в дракона, он кладет мне руки на плечи, обнимает и тихо произносит на ухо:

— Чуть не забыл, твоя Кати писала в столицу Верховому Служителю. Я не знаю, о чем. У меня нет входа в храм. Но там все засуетились. Верховного пока нет, он в отъезде и вернется через месяц. Может быть, девочка нашла что-то опасное или важное на своей свалке. И пусть лучше это что-то побудет у нее, чем у кого-то из совета. Присмотри за ней...

Вскоре величественный черный дракон взмывает над городом и летит в сторону Драконариса.

А я иду в ратушу, сажусь в кабинете за стол и погружаюсь в мрачные мысли. Выходит, нельзя позволять Кати регистрировать гильдию? Для ее же собственной безопасности? Но как ей об этом сказать?

Ладно, что-нибудь придумаю... В конце концов, мы ж люди взрослые...

22. Кадмон

Поговорили...

Чувствую себя идиотом. Очень злым идиотом, готовым что-нибудь сжечь. Вот только это ничего не решит. Потому что я архизол на... себя.

Поэтому я просто ухожу. Мой гнев выплескивается на ни в чем не повинную дверь хлипкого домишки. И когда он от хлопка сотрясается от основания до трубы, я замираю в холодном ужасе, что сейчас это недостроение сложится и погребет под собой упрямую несговорчивую дуреху, чья судьба почему-то сделалась для меня очень важной.

Но всё обходится.

Я разбегаюсь, перекидываюсь в драконью форму и поднимаюсь высоко-высоко. Ныряю в самое сердце мрачных туч. Борюсь с шквалистым ветром, стряхиваю с чешуи иней и ледяную корку с гребней.

Ношусь в этом мутном и мокром месиве до самого утра. Рычу и извиваюсь, будто хочу укусить себя. Словно в груди засел шип, который колет и мучит, жжет и травит кислотой... Наконец местный холод остужает разгоревшуюся во мне ярость.

Я возвращаюсь в семейный особняк. Пока сохну у камина, изучаю принесенные отцом документы. Начинать, конечно, стоило с них... Но сделанного не воротишь.

Итак, Кати появилась в нашем мире три года назад. Появилась в своем родном теле, что довольно редко, и со смертельной раной. Девчонке очень повезло оказаться на участке купца Проциона Ракуна, который действовал уверенно и удивительно быстро нашел драконьего целителя.

А этот купец интересный персонаж! Выходец из самых низов, из далекой нищей и голодной деревни, он поднялся сугубо благодаря собственным упорству и труду. Разбогатев, охотно делился с другими. Меценат и благотворитель. Был...

Он же взял под опеку попаданку Кати, дал ей приют и помогал освоиться в новом мире... Многие свидетели, в числе которых деловые партнеры старика, утверждают, что относился он к подопечной как к родной дочери, а она к нему, соответственно, как к отцу.

Интересно, но именно деловые партнеры и близкие друзья купца считают Кати невиновной в гибели старика.

В отличие от его родственников... Ох, сколько же их у Проциона Ракуна! Племянники — троюродные, двоюродные и внучатые. Сестры и братья всех степеней. Дядюшки, тетушки всех колен и коленцев, свояки, невестки, деверы и так далее... И большинство — нахлебники и приживалы, которые за всю жизнь палец о палец не ударили.

А вот родных детей у Проциона не было... Только удочеренная попаданка. Ее он, по мнению свидетелей, изрядно баловал. Вплоть до того, что позволили поступить в академию Драконариса. Странно, зачем это ему, раз решил на ней жениться...

И тут я натыкаюсь на бумагу, которая меняет не просто многое в этой истории — а всё. Брачный договор. Подписанный и заверенный нотариусом семьи. По этому договору Кати обязуется после брака не претендовать на имущество мужа...

Вот как?

Тогда совсем непонятно, зачем ей его травить? Вдвойне интересно, как ей могли отдать в качестве наследства свалку? Подозреваю, что это был показательно-наказательный момент, который вышел из-под контроля. Никто всерьез не верил, что девчонка согласится. Но она всем утерла нос.

Думая об этом, тихо посмеиваюсь про себя, вспоминая, как она и мне нос утерла своей непробиваемостью и несгибаемостью. Правда, в них же кроется ее гибель... Если я не вмешаюсь.

Решение приходит совершенно четкое и ясное.

Две недели проходят, а щеку всё так же жжет. Хотя даже следа нет. Но стоит подумать о Кати, как кожу в месте удара снова печет, а в груди словно колючка — царапает и терзает.

Это сложные, выматывающие две недели. И дело не в занудных и никчемных заседаниях совета, на которых ничего не решается. Беда приходит из района бедноты, где началась эпидемия зеленой хвори...

Хмурым пасмурным днем, кажется, во вторник, я сижу в местном госпитале над обезвоженным тельцем ребенка и отмеряю ему запас своей драконьей силы. Малышу хватит, чтобы продержаться пару дней. За это время алхимики и целители должны справиться с самим недугом.

Я не знаю, как зовут ребенка. Я не помню, какой это по счету пациент. Я просто понимаю, что не могу пройти мимо и ничего не сделать. Потому что так поступила бы Кати.

Закончив, я без сил откидываюсь на спинку хлипкого стула и начинаю восстанавливать собственные силы. Глаза, не выдавшие сна несколько суток, сами собой закрываются.

Неожиданно слышу тяжёлое пыхтение. Открываю глаза и смотрю. В палату вбегает Кас-сиус Дотор, начальник тайной полиции. Он красный, как помидор, тяжело дышит, камзол от бега перекосялся и сморщился на животе.

— Господин Фламберг! Еле вас нашел!

Его напряжение передается мне. Я вскакиваю, хотя толком не успел восстановиться:

— Что-то на свалке? — страшная догадка пронзает разум.

Эти две недели несколько верных и надежных человек Дотора следили за свалкой и за тем, что там происходит. Докладывали мне о каждом шаге тамошних обитателей, о каждом их новшестве.

Ночами я летал над полигоном и внимательно изучал всё, что поменялось. Я хотел разобраться и понять, чтобы уберечь...

И сейчас взволнованный вид моего тайного полицейского говорит об одном: на свалке стряслась беда.

— Да... Туда направляются разгневанные горожане! — быстро и четко докладывает он. — Кто-то распустил слух, что зеленая хворь идет со свалки... Моих людей всего трое, а там толпа... Мы не сможем им противостоять...

Дальше я не слушаю. В несколько коротких шагов покидаю палату и оказываюсь в длинном больничном коридоре. Пересекаю его и выпрыгиваю в окно, на лету перекидываясь в дракона.

Вообще, так нельзя. Но меня это сейчас не волнует. В голове набатом звенит страх за Кати и гнев на тех, кто посмел ей угрожать.

Несусь как молния. Но уже понимаю: я опоздал... Еще на подлете вижу, как толпа с палками и камнями заполняет деревеньку беженцев и берет в оцепление фигуру в зеленом платье.

Я издаю угрожающий рев, который заставляет всех остановиться и задрать головы. Перекидываюсь снова прямо в полете и приземляюсь рядом с Кати уже в человеческом обличье.

Заслоняю девчонку и обвожу чернь яростным взглядом. Горожане отшатываются.

Даже собаки, которых беженцы приручили и приставили к охране деревни и свалки, перестают истошно лаять и испуганно поскуливают.

— Что здесь происходит? — рычу я и выдыхаю из носа два облачка дыма.

23

Днём Вуди прибегает и сообщает, что на свалку из города движется толпа, чтобы наказать меня за зелёную хворь, которой я травлю жителей. Я ничего не успеваю взять, мчусь к деревне беженцев, чтобы попытаться укрыться в ней.

Толпа захлёстывает поселок шумно, неотвратно. Рычит и угрожает. Лица злые, полные горя и боли взгляды. Эти люди совершенно отчаялись и пытаются хоть как-то решить проблему. Им кажется, что убив меня, они остановят эпидемию.

Их слишком много. Они растерзают беженцев, если те попытаются спрятать “отравительницу”.

Бай, вооруженный дубиной, тянет меня укрыться в своем доме, но я вырываюсь и бегу на небольшую площадь, где беженцы сообща решают вопросы. Кровь леденеет, дыхание сбивается. Мне страшно, как никогда до этого. Но и подставлять своих работников я не могу.

Толпа горожан тут же отсекает меня от Бая и его людей, смыкается за спиной. Я окружена. Но руками меня не трогают. Боятся. Однако в мою сторону уже летят проклятия и страшные угрозы. Вот-вот полетят камни.

Я поднимаю руки, стараюсь успокоить толпу. Призываю выслушать, но народ только свирепеет.

В плечо бьёт первый камень. Не больно, но ощутимо и унижительно. И выхода не видать... В груди что-то сдавливает исполинской тоской. До ужаса обидно погибнуть, так и не доделав начатое.

Вдруг раздается яростный рев дракона. Над нами возникает черный силуэт, словно высеченный из обсидиана. Фламберг! Зачем он прилетел?

Пока я пытаюсь понять, что затеял губернатор, он буквально падает с неба в человеческой ипостаси и заслоняет меня собой от толпы. Замирает, сжав кулаки и немного наклонив голову, словно бык для атаки.

— Что здесь происходит?!

Его опасный рык урезонивает горожан, они останавливаются. А губернатор выпрямляется и принимает величественную позу хозяина города.

Глаза жжет от подступающих слез и щиплет в носу. Как сжимается сердце. Фламберг прилетел, чтобы защитить меня, хотя мы с ним очень плохо расстались.

Я была такой неблагодарной идиоткой! Наговорила столько лишнего, ненужного... А он все равно здесь, в самый страшный момент. Чтобы защитить меня... Один против толпы.

Пусть и дракон, но сейчас он в более уязвимом положении. Однако он настолько уверенно держится, что я чувствую себя за ним, как в крепости.

— Да вот... — находится в толпе смельчак, — пришли ведьму сжечь, чтобы она нас не травила.

— Кати Ракун не ведьма, — цедит Фламберг.

— Но с ее свалки к нам грязь льется! А с ней и хворь, — говорит кто-то в другом крыле толпы.

— С ее свалки уже несколько недель ничего в реку не попадает, — голос Фламберга прокатывается над людьми.

Начинается шум.

— А кто проверял? — раздается недоверчивый женский голос.

— Я, — отрезает Фламберг и делает шаг вперед. — Я лично изучил систему стоков, отводных канав и труб. Более того, мы с моими людьми тайно всё проверили. Вечером, когда все уже разошлись по домам, подбросили в несколько разных мест красивую пудру. Вы знаете, она безобидная, но стоит хоть крупинка ее попасть в воду, всё окрашивается в красный.

— И что? — выкрикивают из толпы.

— Кто-нибудь видел в эти дни красную воду в реке? — с усмешкой в голосе спрашивает Фламберг.

Я слушаю и ушам не верю. Мы действительно нашли склянки от пудры и кроваво-красные потеки по всей свалке, но не придали значения находке. Думали, кто-то выкинул.

А Фламберг не просто полетал, посмотрел — он изучил вопрос и придумал, как проверить мою защиту. И сделал это наглядно, чтобы самый необразованный и недоверчивый смог увидеть и понять.

Стыд за то, что я считала его недалеким, тёмным, заносчивым эгоистом, обжигает лицо. Люди молчат какое-то время.

Наконец некто сварливо вскрикивает старческим голосом:

— Ну, значит, не свалка виновата. А ее хозяйка! Она сама нас травит! Выливает яд в воду!

— Вы своими глазами это видели? — холодно спрашивает Фламберг и поворачивается к говорящему.

— Я нет, но моя соседка... — тушется тот.

— Имя... — требует Фламберг.

— Анитка Цуца... — блеет старик

— Да что ты на меня наговариваешь? — слышится возмущенный густой женский окрик.

— Не видела я такого!

— Не видела, но говорила! — огрызается старик.

— Я лишь предполагала! — твякает Цуца.

— Да ты... — ярится дед.

— Тихо! — угрожающе выдыхает Фламберг. — Кто-нибудь своими глазами видел, как Кати Ракурн выливали отраву в реку?

Наступает оглушительная тишина. Люди в толпе боязливо прячут лица и отворачиваются, стараются стать незаметными.

— Последние две недели, — спокойно сообщает Фламберг, — на свалке постоянно присутствовали мои люди, опытные соглядатаи. Если бы кто-либо из местных обитателей вылил что-то в реку, мне бы немедленно доложили.

Закрываю рукой рот, чтобы не выдать своего удивления. Хотя на самом деле я в не меньшем шоке, чем люди в толпе или мои работники, чьи растерянные лица вижу на расстоянии.

Бай, как обычно, хмурится. Он во всем видит подвох. Вот и сейчас его лицо покрывается краской гнева. Представляю, что у него в голове: местные ищейки шныряли и вынюхивали, искали ошибки и поводы для нападения...

Но я смотрю на широкую спину Фламберга, вспоминаю, как он примчался на помощь, как остановил толпу, какие слова говорит... И вижу ситуацию иначе: за нами не следили — за нами присматривали.

Горло сжимает спазм. Фламберг всё это время незримо присутствовал рядом... Изучал, проверял, собирал доказательства моей невиновности и оберегал. А я эти две недели злилась и ненавидела.

Наконец стоящий в первых рядах громила чешет лоб и спрашивает:

— Мы все берем воду из одной реки, но мы боеем, а они нет. Почему? Не иначе колдовство?

Фламберг поворачивается ко мне и... с легкой улыбкой подмигивает. Затем смотрит на толпу и четко произносит:

— Думаю, у госпожи Ракурн найдется для вас объяснение, — с этими словами он отходит, чтобы дать мне говорить.

24

Я, конечно же, имею опыт публичных выступлений. Я много выступала на научных конференциях, защищала студенческие проекты, а также давала интервью всевозможным СМИ от имени эко-защитников.

Но у всех этих выступлений было два преимущества перед нынешним.

Первое — я была готова. У меня с собой были презентации, графики, диаграммы. Доказательства и выводы исследований.

Второе — публика была готова. Я выступала перед такими же, как я, студентами, молодыми исследователями и доброжелательно настроенными журналистами.

Сейчас же я один на один с настороженным зверем, имя которому — Толпа. И зверь этот ни сном ни духом о микробах, токсинах, способах заражения и методах защиты. Да что я говорю! Пятилетний ребенок из моего мира больше знает о гигиене, чем все жители Грюннендрахта вместе взятые!

Но это мой шанс.

Я делаю шаг вперед и на секунду оборачиваюсь, чтобы глянуть на Фламберга. И я вижу в его взгляде безоговорочную поддержку и веру.

И именно это дает мне силы открыть рот и заговорить.

— Уважаемые жители Грюннендрахта, — начинаю в звенящей тишине. — Есть ли тут кто-нибудь, кто готов сходить к реке с собственным сосудом и набрать воды?

После краткого совещания от толпы отделяется громила. Он идет мимо беженцев, мышцы на могучей шее напрягаются, как у буйвола. Он оглядывается, словно ожидая нападения. Но беженцы лишь расступаются, чтобы горожанам было лучше видно происходящее.

Громила набирает воду во флягу и возвращается в толпу. Флягу, кожаный мешок с веревкой и крышкой, по рукам передают мне, держа ее высоко над головой. Я принимаю ее и вешаю на шею.

— А теперь я у вас на глазах сделаю эту воду безопасной. И мне для этого не понадобится магия. Лишь знания и немного времени.

За эти две недели мы наловчились делать фильтры, так что техника уже отработанная. Мне передают большую прозрачную бутылку, которую горожане имеют возможность рассмотреть поближе.

Точно так же мне под их же контролем передают все составляющие для стандартного фильтра. Один из горожан разводит по моей просьбе самый обычный костер.

Я объясняю каждый этап. Подбираю самые простые слова, чтобы понял и трехлетка. Помогает и то, что мы с Долорес и Фармо собрали примитивный микроскоп из выкинутого каким-то ювелиром оборудования. Поэтому в реальности крошечных “зверюшек”, обитающих в воде и вызывающих болезни, имеют возможность убедиться все желающие.

Сначала я побаивалась, что горожане грубыми руками просто сломают незнакомый прибор, но грозный взгляд Фламберга, который стоит у меня за спиной, делает своё дело. Рисковать и делать явную гадость никто не решается.

Вскоре я затыкаю горлышко бутылки фильтром и наливаю в нее воду из принесенной горожанами фляги. Затем переливаю очищенную воду в железный ковшик, который пожертвовала для демонстрации повариха из толпы, и кипячу ее.

Наливаю в новую кружку — конечно же, тоже от трудяги из города. Жду, пока остынет, и протягиваю тому, кого определила, как зачинщика:

— Будете?

— Отравить вздумала? — испуганно машет он руками.

— Ну как хотите, — я улыбаюсь и осушаю содержимое кружки.

Толпа разом вздыхает, а затем следит не произнося ни звука. Я допиваю воду, улыбаюсь и возвращаю кружку владельцу. Стою, спокойно глядя пришедшим в глаза. Они молчат, словно ждут, что у меня сейчас вырастут рога и копыта.

Когда молчание затягивается, я говорю:

— В доме каждого беженца стоит бутылка с таким фильтром. Вот поэтому среди беженцев никто не болеет.

— Допустим, — из толпы раздается густой бас, принадлежащий бородатому мужичище. Он говорит весомо и заметно окая. — Тогда поясните, почему богачи не болеют? У них нет фильтров.

Я на миг зависаю, потому что, честно говоря, не знаю, что сказать.

— Потому что богачи едят и пьют из серебряной посуды, — раздается у меня за спиной голос Фламберга. — Госпожа Ракурн же объяснила вам, что этот металл убивает злых мелких зверюшек.

— Понятно, — мужичище гладит огромной рукой окладистую бороду.

Я снова оборачиваюсь и изумленно смотрю на Кадмона. Он сейчас, что, внимательно меня слушал? И нашел ответ быстрее, чем я, умная девочка из будущего?

Фламберг ловит мой взгляд и мягко улыбается. А потом становится рядом со мной и поднимает руку вверх, призывая всех к молчанию:

— Уважаемые жители Грюннендрахта, — его голос прокатывается над толпой и заставляет всех замереть. — Я думаю, вы уже поняли, что госпожа Ракурн и ее работники не травили вас. Из-за дождей река выше по течению поднялась, размыва могиляники и болота и принесла оттуда заразу. Но теперь вы знаете, как обезопасить себя.

Фламберг стоит в шаге от меня, однако я чувствую исходящее от него тепло.

— Если вы хотите узнать что-то еще, можете прийти и спросить совета у меня и моих людей, — добавляю напоследок. — Бесплатно.

Горожане в задумчивости возвращаются по домам. Некоторые перед этим действительно подходят и задают вопросы. Я отвечаю, отправляю желающих изготовить фильтр в деревушку.

Проходит довольно много времени, прежде чем все жители возвращаются в город. У меня болят спина и ноги от долгого стояния. Язык едва ворочается. Но я довольна.

Губернатор все эти часы терпеливо стоит рядом. Выглядит свежим как огурчик. Спокойным и почти безмятежным. Будто несколько часов назад не спрыгнул откуда-то с неба и не встал один против города на мою защиту.

— Спасибо, господин Фламберг, — говорю ему, когда мы наконец остаемся на площадке одни. Я мысленно репетировала эти слова последние минут сорок, но они всё равно даются тяжело. — Думаю, мне надо перед вами извиниться. В последнюю встречу...

Он вдруг подносит к моим губам указательный палец, запечатывая поток моих извинений. Его касание нежное, но настойчивое и заставляет сердце ускориться. Замечаю в его глазах тёплые золотые искорки.

Наконец Фламберг низким, немного хриплым голосом говорит:

— Кати, вы когда-нибудь летали верхом на драконе?

25

Замираю и удивлённо смотрю в насмешливые черные глаза с искорками. Я в Эльдратории уже три года, и за это время драконов видела лишь над головой. Как и большая часть жителей страны.

Потому что ни один нормальный дракон не позволит абы кому сесть себе на шею и свесить ножки. Это очень-очень личное, как, например, доверить кому-то свои детские стихи.

Но не просто же так он спрашивает? От догадки, что интерес совсем не праздный, по спине ползет предвкушение. Ощущаю себя восьмиклассницей на школьной дискотеке, к которой вдруг направился самый шикарный мальчик школы — и ты стоишь, как дурочка, не веря своей удаче и одновременно сомневаясь в ней.

Качаю головой:

— Нет, господин губернатор... — голос сбивается.

Фламберг не выпускает меня из плена черных с золотыми огоньками глаз. Наклоняется ближе, почему-то шепчет.

— Составите компанию?

Вот оно... Не показалось... Щеки начинают отчаянно гореть.

Мне хочется по-девичьи взвизгнуть и вскричать: “Да! Конечно!” Но оседлать дракона — это не то же самое, что согласиться на поездку на крутом спорткаре мальчика-мажора. Дракон — не тачка, а звериная сущность, второе я, жестокое и ласковое, преданное и яростное.

Я молчу, не зная, что сказать... Полететь хочется до безумия. И какой-то частичкой души я ощущаю — это будет правильно, это новый шаг к пониманию друг друга.

— Молодец, девуля... — скрипучий голос Фармо разбивает волшебство момента. — Правильно сомневаешься... А то летают тут всякие, на наших барышень заглядываются...

Мы с Фламбергом отшатываемся друг от друга и одновременно поворачиваемся к деду. Тот стоит в десятке метров от нас, ветер треплет его прическу-одуванчик, борода сердито дрожит. Он прищурил один глаз, руки в карманах. Покачивается, перекачиваясь с пятки на носок.

— Ты по что тут речи свои соблазнительные льёшь, ящер коварный? — Фармо делает шаг в нашу сторону, вынимает сухую руку и грозит Фламбергу кулаком. — По что мозги розовые девичьи морочишь? Думаешь, помог — и всё, твоя голубка, коршун проклятый? А то что девуля из-за тебя две недели, словно тень бестелесная, мается...

Мне и смешно, и неудобно. Жар перекидывается с щек на всё лицо, разливается по шее. Надо бы, наверное, возразить что-то... Но губы не слушаются, кривятся от сдерживаемого смеха. Воинственный вид Фармо и его искреннее желание заступиться за меня трогательно милы и одновременно забавны.

Вдруг Фламберг наклоняется к самому уху и тихо роняет заговорщицким тоном:

— Бежим...

И мы, будто два нашкодивших школьника, срываемся с места и, взявшись за руки, несемся прочь. В сторону свалки. Останавливаемся за первой же горой мусора и хохочем в голос. Из меня со смехом выходит всё напряжение, усталость и страх этого дня. Растворяются в мокром воздухе.

Впервые слышу искренний смех Фламберга. Низкий, рокочущий, словно прибой. Обволакивающий и обаятельный до невозможности.

Когда мы наконец перестаем смеяться непонятно над чем, он распрямляет плечи, и кажется, что он стал еще шире, еще больше. Он подает руку и с простой улыбкой предлагает:

— Полетели?

И меня больше ничто не удерживает... Я киваю.

Вскоре огромный черный зверь мощными взмахами крыльев поднимает меня высоко над свалкой, над городом, а затем к самым облакам.

Я удобно уселась между его лопаток, тут словно специальное углубление похожее на седло. Обхватываю руками его шею и крепко держусь.

Дракон теплый, его жара хватает на нас двоих. Мне хорошо и без любимого зеленого плаща, за которым я хотела забежать домой. Но плащ совсем не нужен. Да что плащ! От обсидиановой чешуи, которая вопреки ожиданиям совсем не жесткая, исходит такое тепло, что я смогла бы кататься верхом на драконе в бикини даже зимой.

Невольно представляю себе это зрелище и смущенно хихикаю.

Но я очень быстро забываю все глупые фантазии, потому что вид вокруг потрясающий. Провинция как на ладони. Река внизу извивается тусклой серой лентой. Такой же серый город обнимает ее часть, словно кольцо. Зато моя свалка — яркое и заметное пятно. Похожа на красочный фантик.

Мы влетаем в облака, вываливаемся из них к скалам, проносимся над залитыми лугами, делаем резкие развороты, мертвые петли. Черный дракон резвится в воздухе, словно огромный кот. Сердце наполняется чистой радостью и ни капельки не страшно. Словно на аттракционах, но в обнимку с любимым плюшевым мишкой.

Однако всему приходит конец. И вот дракон целенаправленно несется к Грюннендрахту и садится на площади перед ратушей. Подставляет хвост мне под ноги, помогает спуститься и не разбиться. Я встаю ногами на брусчатку и отхожу на несколько шагов. Вскоре Фламберг подходит ко мне в человеческом облики.

— Зачем мы тут? — удивленно спрашиваю у него.

— Если пройдетесь со мной до моего особняка, увидите, — губернатор протягивает мне руку.

Я без раздумий принимаю предложение.

До особняка Фламбергов не так уж и далеко, словно он специально выстроен поближе к ратуше. Но даже такого короткого пути мне хватает, чтобы отметить запущенность города.

Уже почти ночь. Улицы темные, люмосферы светят через одну и даже реже, мусор катается под ногами, пыльно, грязно и душно. Нигде ни деревца, ни клумбы. Моя свалка и то ухоженнее выглядит.

— Если у вас будут идеи по благоустройству, я охотно выслушаю, — вдруг произносит Фламберг и останавливается. — Мы пришли.

Мы у крыльца трехэтажного особняка. Фламберг помогает мне подняться и открывает массивную входную дверь с изящным орнаментом на полотне.

— Должен вас предупредить, Кати: то, что вы узнаете, может как вселить в вас надежду, так и отобрать ее. Поэтому уточню. Вы всё еще хотите организовать гильдию?

Черные глаза с золотыми искрами заглядывают прямо в душу. И я понимаю, что, если соглашусь, прежней из особняка не выйду.

26

Я задерживаюсь лишь на мгновение, а потом уверенно делаю шаг в проем, прямо в темноту. Фламберг заходит следом и тихо закрывает дверь. Затем щелкает пальцами, и вдруг все кругом озаряется светом люмосфер.

Я оказываюсь в холле с высоким потолком. Передо мной лестница, справа и слева — двери в комнаты. Убранство выдает утонченный вкус владельцев. Цвета сдержанные, приглушённые, картины и текстиль изысканные, узоры на обоях ненавязчивые. До середины человеческого роста стены обшиты деревянными панелями. Всё кругом напоминает интерьер английских усадеб из журналов по дизайну.

Фламберг берет меня за руку и мягко влечет в правую дверь. По коже разливается приятное тепло.

Это гостиная. На меня смотрят фамильные портреты, во всех явно прослеживаются яркие семейные черты. Самой характерной из них является лёгкое насмешливое выражение лица. И черные глаза с золотыми искрами.

У одной из стен массивный стеллаж, все полки которого до самого потолка забиты книгами. Шторы задернуты. На них лишь просвечивают световые квадраты от раскрытых в клетку окон.

Камин растоплен, перед ним два ушастых кресла, между которыми — небольшой столик.

— Подождите тут, Кати, — просит Фламберг, указывая мне на кресло справа. — Я кое-что принесу.

С этими словами он покидает гостиную.

Я с наслаждением проваливаюсь в объятия кресла. Весь мой комфорт закончился в день свадьбы в Драконарисе. Я и не представляла, насколько соскучилась по простым радостям и удобствам.

Слышу за спиной шаги, выглядываю из-за спинки и вижу почтенного седовласого старика в ливрее. Он торжественно несёт поднос, уставленный закусками.

Подходит, водружает его на столик, отступает кланяясь:

— Приветствую вас, госпожа. Если что-либо понадобится, я к вашим услугам.

— Спасибо, Бран! — слышу от двери голос Фламберга. — Можешь отдыхать, дальше я сам.

Бран склоняет голову перед проходящим мимо него господином и покидает помещение. Фламберг держит в руках папку с документами.

— Угощайтесь, Кати, — говорит галантно, подойдя и усаживаясь во второе кресло, гасит все люмосферы, кроме одной прямо над нами.

А затем он раскрывает папку и начинает объяснять.

Он все же нашел закон о гильдиях! В течение последующего часа он подробно рассказывает, что и как надо сделать для регистрации. Он передает мне бумаги, знакомя с написанным. Порой наши руки случайно касаются друг друга. И тогда словно слабые электроразряды пробегают по коже, вздыбливая волосы и учащая дыхание.

Сколько же всего придется сделать! Как он и предсказывал, надежда то вспыхивает яркой звездой, то гаснет, словно под ударом шквалистого ветра.

В гостиной темно. Горят лишь камин, лижущий тёплыми всполохами наши лица, да неяркая люмосфера, создающая интимный свет. Фламберг говорит тихо, рассудительно. Его спокойный голос обволакивает и завораживает. Даже когда он говорит неприятные вещи.

— Вам придется найти подход к каждой гильдии, Кати, — качает головой губернатор. — Но даже это не гарантирует, что вы получите желаемое.

— Почему? — удивляюсь я.

Фламберг громко выдыхает. Кладет папку на колени, смотрит в языки пламени в камине и молчит некоторое время.

— Вы когда-нибудь слышали о барде Эльдрине? — наконец произносит он и поднимает на меня внимательные глаза, в котором пляшут золотые искорки.

Слышала ли я об Эльдрине? Да это же любимый поэт Проциона. Искренний незамысловатый слог, простые, но нетривиальные рифмы и напевность его стихов покорили и меня. Конечно, я знаю, кто такой Эльдрин.

Но Фламберг рассказывает мне неизвестную часть истории знаменитого барда.

Он сам переживает то, о чем говорит. Будто сам нашел друга и его семью в снегах. В спокойном голосе затаенная боль.

Когда он замолкает, я сижу, ошарашенная жуткими подробностями. Сердце сжимается от жалости. В глазах жгутся слёзы. Я подношу руку к лицу, чтобы стереть внезапную солёную дорожку. Поднимаю глаза на мрачного Фламберга.

— Из-за этого вы мне тогда сказали, что не нашли закон и не советуете искать его мне.

— Да, — просто отвечает он, не отводя взгляда. — Я хотел вас уберечь. Это не оправдывает тех мерзких слов, которые я вам наговорил. Но мне жутко делается, как представляю, что с вами могут сотворить подобное...

— П-п-почему? — зачем-то спрашиваю я, по телу пробегает лёгкая дрожь.

Фламберг поднимается из кресла и подходит ко мне. Потом наклоняется, опираясь одной рукой в спинку кресла и заглядывая в глаза. Улыбка трогает его губы:

— Не знаю, Кати. Но сегодня, когда я увидел тебя в окружении толпы, я не на шутку испугался. Мне казалось, что сердце у меня разорвется от страха за тебя. А в груди бушевал черный гнев на жителей. Ты не представляешь, каких усилий мне стоило не сжечь всех в тот же миг.

Он протягивает руку и невесомо касается моей щеки. Я вздрагиваю, сердце ускоряется. Чувствую, что лицо постепенно заливают лава. Надеюсь, что в красных сполохах камина это не так заметно.

— Я не буду мешать тебе, — продолжает шепотом Фламберг. — Наоборот, буду делать всё в моих силах, чтобы твоя затея удалась. Она на пользу городу, пусть это пока и не видно. Но я себя не прощу, если что-то с тобой случится. Поэтому... — он снова делает паузу и наклоняется еще ближе. — Оставайся здесь, со мной. Тут я точно смогу тебя защитить.

Его губы в сантиметрах от моего лица, горячее дыхание обжигает и без того распаленные щеки и плавит мою уверенность.

Его предложение, словно эхо, отражается в смятённом мозгу, заставляя кровь кипеть.

27

Я молчу, пытаюсь осознать происходящее. Мягкое кресло, вкусная еда, камин, теплая вода и большая удобная кровать... Это всё точно поможет мне сосредоточиться на деле, отдаться ему целиком...

Или нет?

Я моргаю, заставляю себя глубоко вдохнуть и посмотреть Фламбергу в глаза. С трудом давлю слезы, которые вот-вот хлынут рекой.

С сожалением качаю головой:

— Нет, господин Фламберг...

— Кадмон, — поправляет он с легкой улыбкой.

— Кадмон, — как же приятно это имя перекатывается на языке, — я благодарна за предложение, но... Кем я буду после этого? Мне ведь больше никто не поверит. Я получу комфорт, безопасность, но всё остальное — доверие беженцев, отношение ко мне жителей города — всё будет уничтожено.

Кажется, я сейчас разрушаю что-то важное. Мне страшно обидеть Кадмона, который так откровенен со мной. Как он отреагирует на отказ?

— Я понимаю, — он не перестает улыбаться. — Ты права. Тогда тебе пора возвращаться... Иначе твое отсутствие могут расценить не совсем правильно.

Он отстраняется, а кожа в том месте, где его ладонь невесомо касалась моей щеки, не просто горит, а пылает.

Через двадцать минут мы с ним стоим возле моего домика и держимся за руки. В домике тихо и свет не горит, значит, Фармо снова в лаборатории. А Долорес? Наверное, задержалась в деревне. Бай часто в последнее время просит ее о помощи. Кажется, он перестал ее винить в гибели дочек и проникся доверием.

Кадмон доводит меня до двери, несет корзину с едой, которую собрал Бран.

— Раз ты отказалась оставаться у меня, позволишь сделать тебе подарок? Так я буду немного спокойнее, — предлагает Кадмон перед тем, как уйти.

— Конечно, — смущенно соглашаюсь я.

— Принеси свой зеленый плащ, — он протягивает руку.

Я выполняю. Пока я раскладываю припасы в кухне, Кадмон колдует над моим плащом. Когда я беру свою вещь в руки, на первый взгляд, ничего не изменилось. Но пальцы ощущают едва уловимое покалывание, словно под ними натянуты тончайшие энергетические линии. Фламберг выглядит уставшим.

— Я зачаровал плащ от огня и холодного оружия, — поясняет он. — Старайся надевать его, когда отправляешься в город. И просто так. Мало ли... Хорошего вечера, Кати. Береги себя, — Кадмон собирается уйти, но я касаюсь его руки.

— Погоди! — прошу я.

Фламберг останавливается и смотрит на меня. В глазах знакомые теплые искры.

— Спасибо... — выдыхаю я.

Он улыбается, выходит за дверь и растворяется в ночи.

Пора бы готовиться ко сну. Завтра, как обычно, множество дел. Но я не могу успокоиться. Беседа с Кадмоном не выходит из головы. Почему-то меня волнует вовсе не то, что он говорил о гильдиях. Меня до дрожи волнуют его взгляд, нежные касания, улыбка.

Я трижды перепроверяю сейф и прячу ключи в карман. Потом обхожу домишко, проверяя, всё ли на месте. Но мандраж не проходит.

Я набрасываю зачарованный Фламбергом плащ и кручусь в нем перед разбитым зеркалом. Мне чудится, что по поверхности ткани проскальзывают крохотные голубоватые искры. Но главное, плащ пахнет Кадмоном, и я не могу надышаться этим едва уловимым ароматом.

И конечно же, в голове крутятся сомнения. Правильно ли я поступила, что отказалась остаться под его защитой? Сейчас спала бы на мягкой кровати, а утром смотрела бы в окно на городскую ратушу, а не на горы мусора. А еще увидела бы с утра знакомую усмешку и искры в глазах.

Лёгкая печаль трогает сердце.

Но я не позволяю ей пустить корни. Если бы я выбрала комфорт, то обесценила бы всё, чего мы добились на свалке. И смотрели бы на меня лишь как на... протеже могущественного дракона.

Так что всё правильно я сделала! Нечего и думать...

В дверь стучат. Наверное, вернулась Лола или Фармо. А может, Кадмон что-то забыл? Последняя мысль заставляет поспешить.

Открываю, но никого не вижу. Выхожу из дома, делаю пару шагов вперед. Стою и прислушиваюсь к звукам. Тихо. Дожда наконец-то нет, тучи к ночи рассосались. Лунный свет заливают свалку, выделяя каждую неровность и превращая помойку в мистический пейзаж.

Внезапно за спиной раздается шорох. Я дергаюсь, чтобы повернуться, но не успеваю — на голову обрушивается что-то тяжелое. На тело наваливается внезапная неподъемная тяжесть. Желание закрыть глаза становится неодолимым. Наступает темнота.

Прихожу в себя от удара всем телом о твердую поверхность. Кажется, я упала... Шарю по сторонам руками, пытаюсь понять, где я. Кругом темно, ничего не видно.

Руки вязнут в чем-то склизком, вонючем. Я пытаюсь подняться. Ноги разъезжаются. Голова раскалывается, в животе поднимается тошнота. Слабость не дает выпрямиться.

Запрокидываю голову и вижу высоко-высоко тонкую полоску ночного неба, словно я в коробке, и кто-то не до конца закрыл крышку.

Кажется, я упала в яму. Но все наши ямы накрыты, как раз чтобы никто не свалился.

А значит...

Шестеренки в голове крутятся неохотно. От мыслей больно. Мутит так, что хочется лечь и свернуться калачиком. Но я наконец вспоминаю, что было перед наступлением тьмы...

И ужас сжимает сердце, когда я понимаю, что произошло... Меня вырубili и сбросили в яму...

Мысли снова заволакивает туманом. Дышать становится трудно. Грудь разрывают боль и кашель, ужасающая слабость тянет вниз.

По спине сходит ледяная волна ужаса. Я тут же зажимаю рот и нос рукой, чтобы не дышать. Потому что у меня есть лишь одно объяснение: меня скинули в яму, где мы с Долорес тестировали зелья для ускорения перегнивания отходов. А это значит, вокруг меня — метан.

У меня остались доли секунды перед тем, как я снова потеряю сознание...

28

Я судорожно вытаскиваю из кармана связку ключей. То что надо! Им достаточно стукнуться друг о друга. Главное, сейчас не высечь искру раньше времени.

Быстро заматываюсь в плащ с головой, прячу волосы, подбираю к груди ноги, сворачиваюсь, закрывая живот и голову, в углу ямы. И... Кажется, молюсь. Быстро, не дыша. Перед глазами пляшут цветные круги. Тело сотрясает дрожь.

Страшно, что ничего не выйдет.

Умирать, не попытавшись спастись, — ещё страшнее. Заставляю руки не дрожать, иначе ничего не получится. Зажимаю рот и нос ладонью, будто хочу расплющить их на лице. По щекам льются слёзы.

Шансы у меня мизерные. Но если и помирать, то с помпой.

Швыряю за спину ключи и мгновенно убираю руку под плащ.

Миг — и в спину приходит чудовищный удар взрывной волны. Меня швыряет и вжимает в стенку ямы. Через зажмуренные глаза вижу оранжевую вспышку. По каждой косточке в теле словно молотком шарахнули. Безжалостная сила выкручивает руки, ноги. В мозг вливается раскаленная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.